Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б)

№ 231 (6837) | 22 августа 1936 г., суббота | ЦЕНА 10 КОП.

Вчера суд закончил допрос участников троцкистско-зиновьевской террористической банды.

Полностью подтвердилось обвинительное заключение, вскрыты вопиющие злодеяния Троцкого, Зиновьева, Каменева и всей их своры против партии Ленина—Сталина, против советского государства.

ВЕСЬ НАРОД ТРЕБУЕТ:

Уничтожить троцкистско-зиновьевскую банду убийц! Расстрелять всех ее участников!

Троцкий—Зиновьев—Каменев—Гестапо

Судебное следствие по делу о троцкистско-зиновьевском террористическом центре закончено. Факты проверены и установлены. Раскрыта вся цепь чудовищных преступлений, в сравнении с которыми бледнеют самые кровавые и самые грязные страницы мировой истории.

Пред судом и пред всей страной прошли отвратительной чередой матерые организаторы заговоров, мастера подлейшего двурушничества, предатели рабочего класса и изменники родине. Одни из них называли себя зиновьевцами, другие троцкистами. Но они сами говорили, что это деление имеет чисто формальный характер, потому что давно исчезло все то, что имело отношение к идейным различиям, к политическим платформам. Осталось одно общее — ненасытная жажда личной власти, неутолимая ненависть к рабочему классу, к коммунистической партии, к советской власти. И остался лишь один подлейший прием борьбы: убийств из-за угла.

Вместе с этими матерыми предателями рабочего класса, врагами и изменниками советской родины, выброшенными из коммунистической партии, прошли перед пролетарским судом и люди, которые никогда в рядах партии рабочего класса не состояли, были всегда чужды и враждебны Советскому Союзу. Они на суде называли себя троцкистами, переброшенными в Советский Союз для организации убийств руководителей ВКП(б) и советского правительства. Но они не могли скрыть того, что они либо являются прямыми сотрудниками германской фашистской охранки, либо близки к ней и пользовались ее услугами.

Между этими агентами Гестапо и между Троцким, Каменевым и Зиновьевым не было никакого различия — ни во взглядах, ни в приемах преступной деятельности. Зиновьев и фашистский агент В. Ольберг, Смирнов и Н. Лурье, сотрудник фашиста Франца Вайца, Каменев и М. Лурье (Эмель)—все это не только члены одной преступной разбойничьей банды, но и люди одного склада, отмеченные одной общей профессиональной чертой—чертой утонченного бандитизма.

Троцкисты и зиновьевцы—они составляют одно сообщество. Они своим организатором, вождем, учителем называют Троцкого. Он оформил их террористические настроения. На основании документальных материалов судебного процесса можно сказать: разгромлен и подлежит полному и окончательному уничтожению весь отряд созданной Троцким — Зиновьевым террористической организации, которая и сама является проводником и исполнителем террористических замыслов германской фашистской охранки (Гестапо).

Доказано, неопровержимо установлено, что Троцкий первый бросил открыто своим сторонникам террористический лозунг: «убрать Сталина». Это было призывом к террористическим действиям против руководителей партии и правительства. В 1931 году Троцкий передает через своего представителя в Советском Союзе, через руководителя троцкистской подпольной организации И. Н. Смирнова директиву: приступить к террору. Он повторяет ее в 1932 г. И. Н. Смирнову через Ю. Гавена. Он говорит об этом старому троцкистскому подпольному работнику Гольцману. Он пишет об этом Дрейцеру.

Именно так на основе полученной от Троцкого террористической директивы оформляется и приступает к организации убийств троцкистско-зиновьевский блок. Троцкий в курсе всех его действий. С ним установлена постоянная связь. На основе этого блока, по прямым директивам Зиновьева и Каменева, злодейски убит лучший сын нашей родины Сергей Миронович Киров.

За границей Троцкий применяет ту же систему двурушничества, которую проводят в жизнь троцкисты и зиновьевцы в СССР. Он пишет в газетах о том, что марксизм не допускает индивидуального террора. Он пишет в своих тайных письмах, в своих директивах подпольной контрреволюционной организации, что «марксизм» Троцкого благословляет индивидуальный террор против руководителей ВКП(б).

Но Троцкий не удовлетворяется той работой, которую ведут в Советском Союзе Смирнов, Зиновьев и Каменев. Он перебрасывает своих собственных агентов. Пользуясь гостеприимным покровительством буржуазных правительств, он раскидывает свои организации в Европе. И в Копенгагене и в Берлине террористы получают от него инструкции—непосредственно и через своего сына Седова, посредника между Троцким и бандитами.

Контрреволюционная буржуазия, чьим агентом давно состоит Троцкий, знает об этой «работе». Самый разбойничий отряд контрреволюционной буржуазии в Европе, германская фашистская охранка (Гестапо), предлагает Троцкому свои услуги. Троцкий санкционирует соглашение берлинских троцкистов с Гестапо.

У Гестапо в Советском Союзе свой представитель — Франц Вайц. У Троцкого в Советском Союзе — свой представитель — М. Лурье. Троцкист об'единяет свою преступную работу с фашистом. Они вместе руководят террористической группой Натана Лурье. Точно так же в Праге представитель Троцкого В. Ольберг сходится с представителем Гестапо П. Ольбергом. Они родные братья. В Советском Союзе они делают общее дело: готовят покушение на вождей партии и страны.

Так сплелись в один отвратительный клубок бандиты троцкизма и бандиты фашизма. Так создан был вскрытый теперь союз Троцкого—Зиновьева и Гестапо. Определение, которое дал троцкизму товарищ Сталин — «передовой отряд контр-революционной буржуазии» — вновь подтверждено кровавыми фактами действительности.

Фашизм указал преступникам мишень: стрелять в руководителей коммунистической партии и правительства. Троцкий и Зиновьев со всем рвением предателей рабочего класса, со всей истительностью презренных бандитов взялись за подлое дело. Они нашли сотрудников в германских фашистских террористических организациях. Им удалось создать сеть бандитских групп, где германские фашистские шпионы работали рука об руку с советскими презренными двурушниками.

Судебный процесс наглядно показал, какая человеческая мразь была в этих террористических бандах, из какой сволочи вербовали Троцкий и Гимлер (начальник Гестапо) свою рать. Судебный процесс в Москве происходит как раз в такое время, когда разоблачена подпольная деятельность Гестапо в Испании. Троцкий, Зиновьев, Каменев оказались сообщниками преступной организации, центр которой находится в Берлине, а грязные лапы шарят во всех углах мира с единственной целью: разжечь военный пожар во славу фашистских авантюристов и в интересах германской империалистической буржуазии.

Союзники Гестапо — Троцкий — Зиновьев—Каменев не случайно внушали своим сторонникам вместе с идеями индивидуального террора против руководителей ВКП(б) и советского правительства, подлые идеи пораженчества.

Теперь враг разоблачен до конца. Агенты фашистской охранки схвачены вместе с агентами Троцкого — Зиновьева на одном преступном деле. Передовой отряд контрреволюционной буржуазии разгромлен.

Все трудящиеся Советского Союза как один человек охвачены негодованием против бандитов фашистского террора, поднявших преступную руку на вождей нашей партии и страны, на лучших борцов за счастье всего эксплоатируемого и угнетаемого человечества. Единодушны требования уничтожить убийц.

С нами, разделяя наши чувства, весь международный пролетариат, трудящиеся крестьяне всех стран, лучшие люди интеллигенции. Проклятие предателю Троцкому, который в фашистских палачах рабочего класса нашел союзников для грязного своего преступления, будет уничтожающим приговором международного пролетариата.

Рабочие отдела главного механика на заводе «Серп и молот» (Москва) слушают сообщение о ходе судебного процесса над троцкистско-зиновьевской террористической бандой. Выступает тов. А. А. Баранов — нормировщик.

Фото М. Калашникова.

Товарищу СТАЛИНУ

Любимому вождю несокрушимой страны социализма

Письмо красноармейцев, командиров и политработников Московской Пролетарской стрелковой дивизии

Первое наше слово обращено к тебе, дорогой товарищ Сталин! Ты — сердце нашей революции, ты—наш великий друг, учитель и вождь. Красная Армия высоко держит боевые традиции славных побед на фронтах гражданской войны, побед, организатором которых был ты — гениальный стратег пролетарской революции. Героические полки Красной Армии под твоим железным руководством нанесли смертельный удар силам контрреволюции под Царицыном, на Волге, отстояли колыбель пролетарской революции — город Ленина, уничтожили Деникина, Колчака и скинули в море барона Врангеля. Вместе с тобой бок о бок на самых ответственных боевых участках сражался наш любимый нарком, железный маршал Советского Союза Клим Ворошилов.

Никто другой так хорошо и досконально не знает Красную Армию, как ты, организатор всех ее побед, наш лучший, испытанный полководец товарищ Сталин! Твоему повседневному вниманию мы обязаны тем, что в наших руках такое оружие, против которого не устоит ни один враг. Ты вооружил нас первоклассной боевой техникой. Твоя забота о кадрах Красной Армии еще больше укрепила авторитет наших воспитателей-командиров, обеспечила громадные достижения в деле боевой и политической подготовки, в овладении техникой и сложными формами современного боя.

Красная Армия вся, как один человек, спаянная железной дисциплиной, закаленная сталинской школой, готова в любой момент сокрушить врага. Мы, красноармейцы, командиры и политработники Московской Пролетарской дивизии, вместе со всем нашим великим народом готовы за тебя, за победу дела Ленина—Сталина, отдать свою жизнь, свою кровь, каплю за каплей.

Чувство глубокого возмущения и ненависти вызвали в наших сердцах новые преступления трижды презренных главарей и организаторов троцкистско-зиновьевской банды, чьи руки обагрены кровью пламенного борца и трибуна революции, любимого сына народа—Сергея Мироновича Кирова. По указке своего вожака, озверелого бандита Троцкого, подготовляли они убийство наших вождей, лучших людей социализма, и самого дорогого, кого имеет наша великая страна, величайшего из людей человечества — нашего Сталина.

Наймиты фашистских охранок рассчитывали сломить боевые ряды Красной Армии, руками троцкистских изменников-террористов по прямой указке бандита Троцкого подготовляли они подлое убийство нашего народного комиссара, твоего ближайшего соратника, вождя и руководителя Красной Армии Климента Ефремовича Ворошилова. Троцкистские ублюдки просчитались.

Советский суд вскрыл всю подлость, коварство, идейное и моральное разложение троцкистов и зиновьевцев — этой подлой банды фашистских убийц и передового отряда контрреволюционной буржуазии. Не отвертеться пригвожденному к позорному столбу Троцкому, организатору убийств, измен и шпионажа.

Не может быть пощады изменникам родины. Бешеные псы фашистских охранок должны быть стерты с лица земли. Мы уверены, что Верховный суд Союза ССР, внимая голосу народа, воздаст полной мерой этой своре за ее подлые дела.

Дорогой товарищ Сталин! Враги народа направили против тебя и твоих ближайших соратников свое отравленное жало, но вокруг тебя, вокруг ленинско-сталинского штаба, они встретили многомиллионную стену великого советского народа, готового жизнь свою отдать за своих вождей.

Красная Армия, каждый ее боец, командир и политработник полны горячей любви и беспредельной преданности родине и тебе, наш вождь и организатор несокрушимой обороны нашей великой родины.

Жизнь наших дорогих вождей — это славные боевые знамена, охранять которые мы будем до последней капли крови. Прими, наш любимый товарищ Сталин, горячий красноармейский привет. С удесятеренной энергией мы будем ковать мощь Красной Армии. Нет такой силы, которая может сломить ряды бойцов, сплоченных под сталинскими знаменами!

Принято на собрании бойцов, командиров и начальствующего состава Московской Пролетарской стрелковой дивизии.

СМЕРТЬ УБИЙЦАМ НАШЕГО КИРОВА!

(Завод «Красный богатырь», Москва)

Огромное собрание рабочих и работниц, инженеров и техников московского завода «Красный богатырь» полно гнева и возмущения. Выступают старые производственники. В каждом выступлении, в каждом слове—ярость. Ярость против врагов народа. С трудом сдерживая волнение, старая работница тов. Бесфамильная заявляет:

— Гады убили нашего Кирова, готовили покушение на жизнь нашего любимого вождя товарища Сталина. Мы, рабочие, требуем расстрела гнусных убийц.

Гулом одобрений встречает тысячное собрание эти слова. На трибуне следующий оратор, тоже старый рабочий, стахановец тов. Жуков. Он говорит:

— Нас 170 миллионов в стране. Горячей любовью мы любим нашего Сталина, наших вождей. Мы окружим наших вождей стеной, мы будем зорко следить за каждой, хоть малой враждебной вылазкой. Не сомневаюсь, что революционный суд расстреляет троцкистско-зиновьевскую банду. Но этого мало. От имени наших рабочих я прошу судебные органы расследовать работу и тех, к которым тянутся нити от контрреволюционного троцкистско-зиновьевского центра. Нужно расследовать, как и почему связывались троцкисты и зиновьевцы с бывшими вождями правой оппозиции — с Бухариным, Томским, Рыковым, а также с Сокольниковым, Радеком, Серебряковым и другими.

В принятой единогласно резолюции рабочие «Красного богатыря» требуют от суда расстрела кучки убийц, предателей, изменников родины. «Терпеть этих негодяев больше нельзя. Не может быть пощады убийцам тов. Кирова. Не может быть пощады злодеям, покушавшимся на жизнь родного Сталина».

Собрание обращается в Прокуратуру с требованием произвести расследование, установить нити, связывающие контрреволюционный троцкистско-зиновьевский центр с бывшими руководителями правой оппозиции — Томским, Бухариным, Рыковым и, кроме того, с Сокольниковым, Пятаковым, Радеком и др.

Собрание заверяет Сталинский Центральный Комитет партии, что рабочие теснее сплотятся вокруг любимого вождя народов товарища Сталина.

Враги хотели лишить нас самого ценного

ПИСЬМО КОЛХОЗНИЦ И КОЛХОЗНИКОВ КОЛХОЗА «КРАСНЫЙ ПАХАРЬ», ВЕРХНЕ-ХАВСКОГО РАЙОНА, ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ — ЦК ВКП(б) — товарищу СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Из газет узнали мы, что кучка подлых убийц во главе с презренными бандитами—Троцким, Зиновьевым и Каменевым замышляли отнять у Вас, наш родной товарищ Сталин, и у Ваших соратников неоценимую жизнь — источник света, счастья и радости для всех трудящихся нашей великой родины и всего мира. Это сообщение вызвало гнев и возмущение всех колхозников против озверевших негодяев — подлых убийц. Нет и не может быть пощады контрреволюционным гадинам, агентам фашизма. Вся их работа — сплошное предательство и измена интересам рабочего класса и трудящегося крестьянства, которые под руководством партии, под Вашим руководством, Иосиф Виссарионович, строят светлую, счастливую жизнь.

Мы ведь помним, как изменник Троцкий и его приспешники клеветали на все крестьянство, заявляя, что оно не пойдет вместе с рабочим классом, что оно все является контрреволюционным.

Троцкий, а с ним и Зиновьев, заклятые наши враги, кричали: «Колхозов вам не построить». Пророчества этих презренных изменников родины, изменников революции не сбылись. Жизнь опрокинула и развеяла впрах все их предательские надежды, все их клеветнические измышления. Трудовое крестьянство с первых дней революции пошло за большевиками, за Лениным, за Вами, товарищ Сталин.

Возьмем наш колхоз «Красный пахарь», организованный в 1929 году из крестьян села Нижняя Байгора.

Где источник той силы, которая превратила забитое, бедное село Нижняя Байгора в культурный, зажиточный колхоз, истощенные клочки крестьянской земли—в цветущие, высокоурожайные колхозные поля, забитых и темных крестьянок—в героинь труда, имена которых известны всей стране?

Вы, дорогой и любимый Иосиф Виссарионович, Вы указали нам колхозный путь, вдохновляя нас на этом сложном пути.

При Вашем непосредственном участии создан замечательный документ — устав зажиточной колхозной жизни, или, как мы его называем, сталинский устав.

Вы оказали отеческую заботу и ласку нашим пятисотницам Литвиновой А., Ребровой, Бредихиной, Фроловой и Литвиновой, которые не забыли и не забудут во всю жизнь этой замечательной встречи с Вами.

Недавно у нас был в гостях дорогой Михаил Иванович Калинин, ближайший Ваш соратник. Он интересовался, как живут колхозники, беседовал с ними, смотрел наши плантации сахарной свеклы и остался доволен нашей работой.

Где, в какой стране, в какие времена было слышно и видно, чтобы крестьяне пользовались такой заботой, таким вниманием?

Не было такой страны, не было таких времен!

Дорогой наш, любимый Иосиф Виссарионович! Нет слов у нас, чтобы выразить всю глубину и силу любви к Вам, чтобы рассказать Вам о том большом, ярком и волнующем чувстве, когда мы произносим слово Сталин.

Будем бдительны, будем непримиримы и беспощадны к заклятым, трижды презренным врагам народа, которые хотели отнять у нас самое радостное, самое яркое—Вашу жизнь и жизнь Ваших соратников.

Мы требуем от суда и правительства применения высшей меры наказания — стереть с лица земли фашистских бандитов, уничтожить воровскую контрреволюционную нечисть. Мы шлем вечные проклятья главному организатору террористов, заклятому врагу народа, трижды презренному Л. Троцкому.

Окружим Вас, товарищ Сталин, железной, неприступной стеной. Будем охранять жизнь вождей, как знамя на поле битвы.

Да здравствует наша славная коммунистическая партия!

Желаем Вам много и много лет жизни на страх врагам и на радость всех трудящихся народов!

По поручению общего собрания колхозников подписали:

Реброва А. И., Литвинова И. А., Фролова А. А., Бредихина Е. А., Литвинова А. А., Уразов М. С., Уразов С. С., Елагин Е. Н., Бредихин А. А., Литвинов Ф. Н., Бобрышев И. В., Бельмехин И. Р., Фролов С. А., Бобрышев М. А., Корнева Т. А., Басханова М. В., Казмина Г. А., Телегин Е. З., Басханова П. Н., Хрипина Д. Н., Фролов Ф. И., Бобрышев А. А.

Расследовать связи Томского—Бухарина—Рыкова и Пятакова—Радека с троцкистско-зиновьевской бандой

ЗАВОД «ДИНАМО» им. КИРОВА, МОСКВА

По-особому прозвучал гудок. Это — сбор. Никто не ушел за ворота. Пять тысяч рабочих столпились тесной семьей. Лица суровы, брови нахмурены.

После доклада тов. Антипова один за другим поднимаются на трибуну рабочие.

Они вспоминают, как 12 лет тому назад товарищ Сталин посетил рабочих завода «Динамо», вел с ними простую беседу и написал им в «Красной книге» свои пожелания об индустриализации и коллективизации нашей страны. Пожелания товарища Сталина рабочим «Динамо» сегодня звучат, как оправдавшиеся пророчества. Все, о чем великий вождь народа мечтал, сбылось, и народ это чувствует на себе. И вот, пока Сталин осуществлял свой великий план народного счастья, троцкистские гады строили свой подлый план — они хотели убить Сталина.

— Нет гаже гадости, нет подлее подлости, — восклицает рабочий сварочного цеха тов. Волков, говоря о троцкистско-зиновьевских убийцах. — Я от имени рабочих нашего завода обращаюсь к нашему правительству с категорическим требованием:

— Эту сволочь надо стереть с лица земли, расстрелять!

Рабочий, убеленный сединой, тов. Барканов также негодующе говорит о бандитах, которые готовили убийства из-за угла.

— Слезы рвутся из сердца при одной мысли о том, что могло произойти. Пытаясь вырвать Сталина из наших рядов, они хотели вырвать у народа его сердце, его душу.

На собрании с возмущением говорилось о лидерах правой оппозиции — Томском, Бухарине, Рыкове, а также о Сокольникове, Радеке, Пятакове. Рабочие требовали до конца распутать весь преступный клубок и всех, так или иначе связанных с контрреволюционной троцкистско-зиновьевской бандой, посадить на скамью подсудимых.

Собрание обратилось с письмом к товарищу Сталину.

«Вместе с миллионами рабочих, колхозников, инженеров, техников, ученых,— говорится в письме,— мы шлем свой привет Вам, наш родной Сталин. Живите и здравствуйте многие и многие годы. Мы удесятерим нашу классовую бдительность, мы будем охранять жизнь наших вождей, как боевое знамя на поле битвы».

Комбайнер Давыдов—товарищу Сталину

На совещании передовых комбайнеров и комбайнерок с членами ЦК ВКП(б) и правительства я взял обязательство убрать саратовским комбайном 800 га. 16 августа я это обязательство выполнил. Работу продолжаю. Заверяю вас, дорогой Иосиф Виссарионович, что в установленный срок уберу тысячу гектаров.

Комбайнер-орденоносец Пограничной МТС, Оренбургской области ДАВЫДОВ.

—о—

ПРИВЕТСТВИЕ МОНГОЛЬСКИХ ВОЕННЫХ ЛЕТЧИКОВ

(От специального корреспондента «Правды»)

УЛАН-БАТОР. Передаю приветствие, принятое на собрании монгольских военных летчиков:

«Руководителям СССР товарищам Сталину, Ворошилову и Героям Советского Союза.

Шлем привет товарищам Чкалову, Байдукову, Белякову, которые своим беспосадочным перелетом заняли первое место в мире. Мы, летчики МНР, беря пример с вас — героев СССР, крепко защитим независимость своей родины.

Монгольские летчики-бойцы».

Колхозы высокой урожайности

ВИННИЦА, 21 августа. (Корр. «Правды»). В Городокском районе, селе Корищна, в колхозе «Ленинский шлях» первая бригада Михаила Якобишина собрала урожай озимой пшеницы с площади в 14 гектаров по 40,5 центнеров в среднем с гектара, с 15 гектаров ячменя—по 35 центнеров. Вторая бригада Шурко с площади в 27 гектаров пшеницы собрала урожай по 36 центнеров с гектара. Третья бригада собрала урожай пшеницы с площади в 15 гектаров по 34 центнера с гектара, овса с площади в 19 гектаров—по 37 центнеров с га.

В том же Городокском районе, в селе Новый Свет, в колхозе имени Ворошилова урожай озимой пшеницы с площади в 35 гектаров собран по 41,5 центнера. Урожай в колхозе имени Ворошилова обеспечили бригады тт. Тернюк, Лугашко, Ковальчука.

Обком КП(б)У и облисполком послали приветственные письма колхозам «Ленинский шлях» и им. Ворошилова.

ПРОЦЕСС ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Вечернее заседание 20 августа

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО СМИРНОВА И. Н.

Большую часть вечернего заседания Военной коллегии Верховного Суда 20 августа занял допрос подсудимого Смирнова И. Н.

Смирнов И. Н.—один из лидеров троцкистской организации со времени ее образования. Ближайший друг Троцкого, фактический организатор и руководитель троцкистского контрреволюционного подполья в СССР, лично поддерживавший связь с Троцким и троцкистскими организациями за границей.

Заместитель Троцкого в Советском Союзе — как его определяют обвиняемые, — руководитель троцкистского центра, Смирнов упорно продолжает проводить свою тактику лжи и виляния. Он долго пытается отрицать и смазать свое непосредственное участие в террористической деятельности. Лишь под напором неопровержимых улик, разоблаченный фактами, прижатый обвинением, он нехотя и только частично признает свои преступления.

В мае 1931 года Смирнов ездил за границу, в служебную командировку. В Берлине он встретился с сыном и агентом Троцкого—Седовым. Смирнов пытается изобразить, что это была «случайная» встреча. При этой «случайной» встрече Смирнов поспешил договориться с Седовым о следующем свидании, которое произошло на квартире Смирнова. Седов говорил Смирнову о необходимости изменить старые формы борьбы с партией, о своевременности перехода к террористическим методам борьбы. Смирнов пытается изобразить эту установку, как личное суждение Седова, с которым он, Смирнов, якобы, не согласился. Тем не менее Смирнов здесь же дал обещание Седову связаться с ним, установить «информационную» связь с Троцким, получил у него два адреса для переписки, условился о пароле для посылки агентов. По приезде в Москву Смирнов немедленно передал информацию о своем разговоре с Седовым о терроре своим единомышленникам.

Вышинский: Хотя вы с Седовым не согласились, однако сочли необходимым сообщить об этой террористической установке своей подпольной организации?

Смирнов: Да, я не предполагал, что они воспримут эту информацию, как установку Троцкого.

Это утверждение, однако, опровергается показаниями обвиняемого Мрачковского, которому Смирнов сообщил, что в Берлине связывался через Седова с Троцким, от которого и исходили указания о терроре.

Вышинский: Когда вам Смирнов рассказывал о своей беседе с Седовым, поняли ли вы содержание этой беседы не как простое сообщение, а как директиву?

Мрачковский: Да.

Вышинский: О чем же говорила эта директива?

Мрачковский: Указывалось, что те директивы, которые были до того времени, т. е. до 1931 года, уже изжили себя. Троцкий предлагал перейти к другому методу борьбы — методу более острому.

Вышинский: Кто предлагал — Седов или Троцкий?

Мрачковский: Троцкий.

Вышинский: Смирнов говорил о Троцком?

Мрачковский: О Троцком. Ведь ни для него, ни для нас Седов не авторитет.

Вышинский: Обвиняемый Смирнов, правильно ли, что Седов не был для вас авторитетом?

Смирнов: Нет, Седов не был авторитетом для меня.

Подсудимый Смирнов пытается утверждать сначала, что в 1931 и в 1932 гг Троцкий тоже не был для него авторитетом. Однако здесь же он изобличается во лжи и признает, что в 1932 г. он получал через Юрия Гавена директивы от Троцкого о необходимости перехода к террору против руководителей партии и правительства; эти директивы он принял к исполнению и передал в центр.

Вышинский: Центр организовался на основе террора?

Смирнов: Да.

Вышинский: Вы были членом центра?

Смирнов: Да, был.

Вышинский: Следовательно, эта директива была и для вас?

Смирнов: Да, она была передана мне.

Вышинский: Она была не только передана через вас, но это была директива и для вас?

Смирнов: Она была передана, как директива.

Вышинский: Вы ее приняли?

Смирнов: Да.

Вышинский: Как же вы утверждаете, что Троцкий, от которого исходила эта директива, не был для вас авторитетом?

Смирнову нечего ответить на этот прямой вопрос. Он пытается свести свою роль к простой передаче в центр директив Троцкого, он пытается отвести от себя ответственность за работу центра.

Смирнов: Я эту директиву выслушал и передал в центр, центр принял, но я в его работе участия не принимал.

Вышинский: Когда же вы вышли из центра?

Смирнов: Я и не собирался уходить, не из чего было выходить.

Вышинский: Центр существовал?

Смирнов: Какой там центр...

Вышинский: Мрачковский, центр существовал?

Мрачковский: Да.

Вышинский: Зиновьев, центр существовал?

Зиновьев: Да.

Вышинский: Евдокимов, центр существовал?

Евдокимов: Да.

Вышинский: Бакаев, центр существовал?

Бакаев: Да.

Вышинский: Как же вы, Смирнов, позволяете себе утверждать, что центра не было?

Смирнов пытается снова вилять, ссылаясь на отсутствие заседаний центра, но показаниями Зиновьева, Тер-Ваганяна и Мрачковского он снова изобличается во лжи. В ответ на вопросы прокурора Зиновьев подтверждает, что держал непрерывную связь со Смирновым. Тер-Ваганян подтверждает роль Смирнова как руководителя троцкистской части блока, ведшего работу по организации, консолидации и соединению двух частей блока. Мрачковский, со своей стороны, говорит: «Смирнов хочет изобразить здесь из себя сельского почтаря, но мы Смирнова прямо считали заместителем Троцкого».

В связи с показаниями Смирнова подсудимый Ольберг сообщает суду о своих неоднократных встречах в Берлине в 1931 году с сыном Троцкого — Седовым. В одну из таких встреч в ноябре — декабре 1931 года Седов рассказал Ольбергу о своем свидании с Смирновым И. Н. Седов отзывался о Смирнове с большим уважением, говорил о нем, как о руководителе троцкистской организации в СССР, сказал, что он, Седов, передал Смирнову директиву Троцкого о необходимости перейти к террористическим действиям. Далее Ольберг сообщает, что он, как и другие троцкисты за границей и в Советском Союзе, рассматривают Седова исключительно как передатчика воли, заданий и политики Троцкого.

Дальнейший допрос Смирнова подтверждает получение и передачу обвиняемым дополнительных директив Троцкого о терроре.

Вышинский: Можно считать установленным, что в 1932 году вы получили новую директиву от Троцкого через Гавена?

Смирнов: Да.

Вышинский: Эта директива содержала прямое указание о необходимости перехода на путь террористической борьбы против руководства партии?

Смирнов: Совершенно верно.

Вышинский: В первую очередь против кого?

Смирнов: Там имена не были указаны.

Вышинский: Но вы поняли, что террористическая борьба прежде всего должна быть начата с товарища Сталина?

Смирнов: Да, я так понял.

Вышинский: Так и передали своим товарищам?

Смирнов: Да.

Обвиняемый упорно изворачивается, пытаясь отрицать свою роль руководителя троцкистской организации. Судебное следствие подробно останавливается на этом вопросе. Из опроса обвиняемых выясняется, что переговоры о блоке с зиновьевцами Тер-Ваганян вел по прямому поручению Смирнова. *Выясняется*, что Мрачковский вел подготовку террористических групп по прямому поручению Смирнова. Подтверждается, что ни Тер-Ваганян, ни Мрачковский не давали никаких поручений Смирнову, а сами получали от него задания. Выясняется, наконец, что вплоть до своего ареста непосредственную связь с Троцким осуществлял лично Смирнов. Под давлением всех этих неопровержимых фактов Смирнов в конце концов признает, что именно он, а не кто иной, был главой троцкистской организации.

Однако это признание дается подсудимым чрезвычайно неохотно, лишь после того, как обвинение разоблачило его совершенно неоспоримыми фактами.

Желая замести следы своей деятельности по организации террористического троцкистско-зиновьевского блока, Смирнов пытается создать новую версию организации блока без его прямого участия. Из показаний подсудимых, однако, выясняется, что создание блока было результатом непосредственных переговоров Смирнова с Зиновьевым, Каменева с Тер-Ваганяном и Евдокимова с Мрачковским, при чем переговоры об организации блока велись на основе первой директивы о терроре, привезенной Смирновым от Троцкого через Седова в 1931 г.

Прокурор выясняет связи Смирнова с Троцким.

Вышинский: Связь с Троцким была у вас непосредственная?

Смирнов: У меня было два адреса.

Вышинский: Я вас спрашиваю: связь была у вас?

Смирнов: У меня было два адреса...

Вышинский: Ответьте: связь была?

Смирнов: Если наличие адресов называется связью...

Вышинский: А вы как это называете?

Смирнов: Я сказал, что я получил два адреса.

Вышинский: У вас была связь с Троцким?

Смирнов: У меня было два адреса.

Вышинский: Личная связь была?

Смирнов: Личной связи не было.

Вышинский: Почтовая связь с Троцким была?

Смирнов: Была почтовая связь с сыном Троцкого.

Вышинский: А через Гавена вы получили письмо от Седова или от Троцкого?

Смирнов: Гавен привез письмо от Троцкого.

Вышинский: А я вас об этом и спрашиваю: у вас была связь с Троцким, да или нет?

Смирнов: Я говорю, что я писал письмо Троцкому и получил от него ответ.

Вышинский: Это связь или нет?

Смирнов: Связь.

Вышинский: Значит была связь?

Смирнов: Была.

Также устанавливаются и другие неопровержимые факты. Тер-Ваганян, Мрачковский, Зиновьев и Евдокимов заявляют о разговорах, которые велись Смирновым в 1931 г. о заданиях, которые он давал в этот период о подготовке террористов.

Вышинский: Вы давали поручения группе?

Смирнов: Нет, не давал.

Вышинский (обращается к Мрачковскому): Мрачковский, давал вам Смирнов такие директивы?

Мрачковский. Да, директивы были даны в начале 1931 года по приезде его из-за границы.

Вышинский: Что он вам сказал?

Мрачковский: Что надо приступить к подбору людей, которых мы хорошо знаем, что задача ставится перед нами серьезная, что надо отобрать людей волевых. Он говорил это у себя на квартире.

Смирнов: Это на моей квартире было? Где моя квартира?

Мрачковский: Это было в 1931 г. на Пресне.

Вышинский: На Пресне он был у вас?

Смирнов: Не на самой Пресне, но в этом районе был.

Вышинский: Подсудимый Зиновьев, вы говорили, что Смирнов с вами неоднократно беседовал о терроре, о необходимости форсировать террористические акты?

Зиновьев: Правильно.

Вышинский: Значит то, что говорит Мрачковский о террористической группе, соответствует действительности?

Зиновьев: Да.

Вышинский: Подсудимый Смирнов, считаете вы, что Тер-Ваганян, Мрачковский, Евдокимов говорят неправду?

Смирнов (молчит).

Вышинский: Что же вы признаете?

Смирнов: Я признаю, что участвовал в подпольной троцкистской организации, вошел в блок, вошел в центр этого блока, что я виделся с Седовым в Берлине в 1931 г., выслушал его мнение о терроре, которое передал затем в Москву. Признаю, что от Гавена я получил директиву Троцкого о терроре и передал ее, не будучи с ней согласен, через Тер-Ваганяна зиновьевцам.

Вышинский: И, не будучи согласны, оставались членом блока и в блоке работали?

Смирнов: Формально из блока я не вышел, фактически не работал.

Вышинский: Значит, когда вы передавали директиву, вы не вели работы?

Смирнов (молчит).

Вышинский: Как по-вашему, когда организатор передает директиву — это работа?

Смирнов: Конечно.

Вышинский: Вы были участником блока?

Смирнов: Да.

Вышинский: И признаете, что блок стоял на позиции террора?

Смирнов: Да.

Вышинский: Вы признаете также, что он стоял на этих позициях в связи с получением директивы от Троцкого?

Смирнов: Да.

Вышинский: И эту директиву получили вы?

Смирнов: Да.

Вышинский: Следовательно, вы поставили блок на позицию террора?

Смирнов: Я передал директиву о терроре.

Вышинский: Если вы подтверждаете, что блок после получения директивы Троцкого стоял на позиции террора, то надо сказать, что блок стал на позицию террора после директивы, которую вы получили от Троцкого и передали членам блока.

Смирнов: Я получил эту директиву, сообщил ее троцкистам и зиновьевцам, они создали центр. Я, не будучи согласен, формально не выходил из блока, но фактически не был членом блока.

Вышинский: Тер-Ваганян, вышел Смирнов из блока?

Тер-Ваганян: Нет.

Вышинский: Мрачковский, вышел Смирнов из блока?

Мрачковский: Нет.

Вышинский: Дрейцер, вам известно, что Смирнов вышел из блока?

Дрейцер: Если поручение организовывать террористические группы есть выход из блока, тогда да.

Вышинский: Евдокимов, вы слышали о том, что Смирнов вышел из блока?

Евдокимов: Нет, как раз наоборот, он оставался членом центра и активно в нем работал.

Вышинский: Разделял террористические взгляды?

Евдокимов: Да, разделял.

Вышинский: Обвиняемый Каменев, что вам известно об уходе Смирнова из блока?

Каменев: Я подтверждаю, что Смирнов все время состоял в блоке.

Вышинский: Обвиняемый Смирнов, круг сомкнулся.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ОЛЬБЕРГА

Суд переходит к допросу подсудимого Ольберга.

Председатель: Подсудимый Ольберг, вы подтверждаете свои основные показания о террористической работе?

Ольберг: Подтверждаю целиком и полностью.

Вышинский: Сколько времени вы связаны с троцкизмом?

Следует подробное показание Ольберга о том, что он состоит в германской троцкистской организации с 1927—28 гг. С 1930 года началась его связь с Троцким и сыном Троцкого Седовым. Организовал эту связь активный участник немецкой троцкистской организации Антон Грилевич, издатель немецких брошюр Троцкого. Сначала была установлена письменная связь с Седовым, который передавал ему поручения Троцкого, а с весны 1931 года, с мая, когда Седов приехал в Берлин, началось и личное знакомство.

Вышинский: Вы часто встречались с Седовым?

Ольберг: С мая 1931 года до конца 1932 года мы встречались почти еженедельно, а иногда два раза в неделю. Встречались мы в кафе на Нюренбергплац, либо я бывал у него на квартире.

Ольберг переходит к изложению событий, предшествовавших его первой поездке в Советский Союз.

Ольберг: Впервые о моей поездке Седов заговорил со мной после обращения Троцкого, связанного с лишением Троцкого гражданства СССР. В этом *обращении Троцкий развивал мысль* о необходимости убить Сталина. Мысль эта была выражена следующими словами: «Необходимо убрать Сталина».

Седов, показав мне написанный на пишущей машинке текст этого обращения, заявил: «Ну вот, теперь вы видите, яснее сказать нельзя. Это дипломатическая формулировка». При этом Седов заявил, что необходимо послать в Советский Союз ряд людей. Тогда же Седов сделал мне предложение отправиться в СССР. Он знал, что я говорю по-русски, и был уверен, что я смогу там закрепиться.

Возникла трудность с паспортом. Я не имел определенного подданства и уже по одному этому не мог получить никакой визы. Вскоре, однако, мне удалось уладить это, и с получением паспорта на имя Фрейдигмана я выехал в СССР.

Еще до моего от'езда в Советский Союз я собирался вместе с Седовым поехать в Копенгаген к Троцкому. Наша поездка не удалась, в Копенгаген отправилась жена Седова Сюзанна и, вернувшись оттуда, привезла письмо Троцкого, адресованное Седову, в котором Троцкий соглашался с моей поездкой в СССР и высказывал надежду, что мне удастся осуществить возложенную на меня миссию. Это письмо показал мне Седов.

Вышинский: Что вы знаете о Фридмане?

Ольберг: Фридман был одним из членов берлинской троцкистской организации, который также был отправлен в Советский Союз.

Вышинский: Известно ли вам, что Фридман был связан с германской полицией?

Ольберг: Я слыхал об этом.

Вышинский: Связь германских троцкистов с германской полицией — это была система?

Ольберг: Да, это была система и это было сделано с согласия Троцкого.

Вышинский: Откуда вам известно, что это было с ведома и согласия Троцкого?

Ольберг: Одна из этих линий связи была лично моя. Моя связь была организована с санкции Троцкого.

Вышинский: Ваша личная связь с кем?

Ольберг: С фашистской тайной полицией.

Вышинский: Значит, можно сказать, что вы сами признаете связь с Гестапо?

Ольберг: Я этого не отрицаю. В 1933 году началась организованная система связи немецких троцкистов с немецкой фашистской полицией.

Далее подсудимый Ольберг переходит к изложению обстоятельств и фактов, относящихся непосредственно к его поездкам в СССР. В Советский Союз он выезжал трижды.

В первый раз Ольберг выехал в СССР в конце марта 1933 года по фальшивому паспорту на имя некоего Фрейдигмана. Паспорт этот он получил в Берлине. В Советском Союзе Ольберг оставался до конца июля 1933 года. Целью поездки была подготовка и проведение убийства тов. Сталина.

Приехав в СССР, Ольберг полтора месяца скрывался в Москве, затем отправился в Сталинабад, где устроился преподавателем истории. В виду того, что у него не оказалось никаких документов о его отношении к воинской повинности, ему пришлось вернуться за границу, при чем он уехал в Прагу.

Из Праги Ольберг письменно связался с Седовым и сообщил ему о неудаче.

Седов ответил ему, что не надо падать духом, что постарается достать лучший паспорт.

Тем временем Ольбергу самому удалось получить паспорт в Праге. Там проживал его младший брат Пауль Ольберг, связанный с агентом германской тайной полиции в Праге Тукалевским, и Пауль Ольберг утешил брата, что Тукалевский может помочь ему в «этом горе».

Ольберг: После 1933 года я направился с моим младшим братом к Тукалевскому.

Вышинский: Кто такой Тукалевский?

Ольберг: Тукалевский—директор славянской библиотеки министерства иностранных дел в Праге. О том, что он агент фашистской тайной полиции, я знал от моего брата. Тукалевский был предупрежден о моем визите и заявил мне, что постарается достать для меня необходимые документы.

Затем,—продолжает Ольберг,—я написал письмо Седову в Париж, изложил *предложение, сделанное агентом Гестапо, и* просил сообщить, одобрит ли Л. Д. Троцкий соглашение с таким агентом. Через некоторое время я получил ответ, санкционировавший мое поведение, то-есть соглашение с Тукалевским. Седов писал, что необходима величайшая конспирация и что никто из других членов троцкистской организации не должен быть информирован об этом соглашении.

Паспорт Ольберг получил через Тукалевского и через некоего Бенда от приехавшего в то время в Прагу генерального консула республики Гондурас в Берлине—Лукас Паралес.

Ольберг: Он продал мне паспорт за 13 тысяч чехословацких крон. Эти деньги я получил от Седова.

Вышинский: Вы имели какое-нибудь отношение к республике Гондурас?

Ольберг: Нет, никогда.

Вышинский: Позвольте пред'явить: этот ли паспорт? (Комендант суда пред'являет паспорт).

Ольберг: Да, этот. Он действительно был выдан настоящим консулом от имени республики Гондурас. Такая республика имеется в Центральной Америке.

Вышинский: Может быть, ваши родители имели отношение к этой республике?

Ольберг: Нет.

Вышинский: Предки?

Ольберг: Нет.

Вышинский: А вы сами откуда?

Ольберг: Я рижанин.

После этого краткого диалога прокурора с подсудимым последний продолжает показания о поездке в СССР.

Ольберг: На этот раз я намеревался поехать в Советский Союз через Германию. Тукалевский заявил мне, что рекомендует встретиться в Берлине со Слomовиц. Я ее знал и раньше. Тукалевский сказал мне, что берлинские троцкисты заключили соглашение с Гестапо и что, встретившись в Берлине со Словович, я смогу в случае нужды найти у нее поддержку и помощь.

В Берлине я был у Словович, которая сообщила мне следующее: за время моего отсутствия остались немногочисленные троцкистские кадры и что сейчас стоит дилемма: либо троцкистам ликвидироваться, либо пойти на соглашение с немецкими фашистами. Базой для соглашения служит вопрос о подготовке и проведении террора против руководителей ВКП(б) и советского правительства. Троцкий санкционировал соглашение берлинских троцкистов с Гестапо, и троцкисты действительно были на воле.

С точки зрения берлинских троцкистов низвержение советского строя, борьба против советского правительства мыслима двумя путями: либо путем интервенции, либо путем отдельных террористических актов. Убийство Кирова, по словам Словович, показало, что террористические акты против вождей партии и правительства могут быть в Советском Союзе проведены.

На квартире у Словович я встретился с сотрудником Гестапо, с которым она меня познакомила и который сообщил, что, если понадобится помощь, они охотно помогут мне в подготовке террористических актов, в первую голову против Сталина.

В марте 1935 года Ольберг вторично приехал в Советский Союз. Поездка эта опять не дала никаких результатов, так как из-за туристской визы путешествие было весьма кратковременно, и через несколько дней Ольбергу пришлось вернуться обратно в Германию. Там он пробыл 3 месяца, опять получил указание от Седова сделать еще одну попытку, и в июле 1935 года Ольберг снова выехал в Советский Союз.

Пробыв короткое время в Минске, Ольберг отправился в Горький, связался с троцкистами Елиным и Федотовым, быстро получил работу в Горьковском педагогическом институте, где и оставался до дня ареста. Здесь в Горьком и вырабатывался план покушения на товарища Сталина.

Вышинский: После второго возвращения вы получили гондурасский паспорт?

Ольберг: Я и во второй раз приехал по гондурасскому паспорту.

Вышинский: Вы приехали по туристской визе?

Ольберг: Да, но имея гондурасский паспорт.

Вышинский: Каким же образом вам все же удалось во второй раз продлить этот паспорт?

Ольберг: Мне это удалось... Я как-то упустил из виду сообщить, что за это время переехал в Советский Союз мой брат.

Вышинский: Прорыв у вас здесь получился. В качестве кого приехал ваш брат Пауль Ольберг?

Ольберг: Каковы были задания, данные ему Тукалевским, мне не известно. Но я рекомендовал ему поехать в Советский Союз, чтобы он помог мне закрепиться.

Вышинский: Почему он должен был вам помогать в закреплении?

Ольберг: Он инженер, ему было легче устроиться. У него были настоящие документы. Во всяком случае, не такие мифические бумажки как у меня.

Вышинский: Значит, ваш брат приехал в СССР по его настоящему германскому паспорту и как инженер мог легче здесь закрепиться?

Ольберг: Да.

Вышинский: Ваш брат имел какое-либо отношение к Гестапо?

Ольберг: Он был агентом Тукалевского.

Вышинский: Агентом фашистской полиции?

Ольберг: Да.

Вышинский: Когда у вас был с Седовым разговор о том, что нельзя допускать компрометации троцкистской организации?

Ольберг: Это было во вторую мою поездку. Он говорил, что если я буду арестован органами государственной безопасности СССР, то я ни в коем случае не должен говорить, что этот террористический акт выполняется по поручению Троцкого и, во всяком случае, должен стараться скрыть роль Троцкого.

Вышинский: На кого же рекомендовал он вам свалить организацию террористического акта?

Ольберг: На белогвардейцев, на Гестапо.

После этой части допроса прокурор резюмирует:

Вышинский: Следовательно, можно так сказать: вы, Валентин Ольберг, будучи связаны с Троцким через его сына Седова, были по непосредственному поручению Троцкого через Седова направлены в СССР в качестве агента Троцкого для подготовки и совершения террористического акта против товарища Сталина?

Ольберг: Да.

Вышинский: Для успешности проведения этой работы вы были связаны через своего брата с германской полицией?

Ольберг: Да, это так.

Вышинский: Теперь расскажите, как вы готовили террористический акт.

Ольберг рассказывает, что еще до приезда в Горький он знал от Седова, что в СССР существует подпольная троцкистская организация, куда входят, как руководители, Смирнов и Мрачковский. Ему было также известно о Бакаеве, о котором Седов отзывался, как о человеке, настроенном «чрезвычайно террористически». В Горьком Ольберг узнал от Федотова, что боевые дружины организованы еще до его приезда. Ольбергу осталось только выработать самый план покушения.

Террористический акт должен был быть совершен 1 мая 1936 года в Москве.

Вышинский: Что помешало осуществлению этого плана?

Ольберг: Арест.

Вышинский: Вы сообщали Седову о ходе подготовки террористического акта?

Ольберг: Да, я писал несколько раз, в адрес Словович. И получил от нее письмо, что наш старый друг настаивает на том, чтоб дипломная работа была сдана к 1 мая.

Вышинский: Дипломная работа—это что?

Ольберг: Это убийство Сталина.

Вышинский: А старый друг—кто?

Ольберг: Старый друг—это Троцкий.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО БЕРМАН-ЮРИНА

Далее суд переходит к допросу подсудимого Берман-Юрина.

Ульрих: Берман-Юрин, расскажите, какое вы получили задание за границей перед вашей поездкой в Советский Союз?

Берман-Юрин: *Я получил задание от Троцкого поехать в Советский Союз для совершения террористического акта против Сталина. Я был лично у Троцкого в Копенгагене в ноябре 1932 года. Встречу устроил мне Седов.*

На вопросы тов. Вышинского Берман-Юрин показывает о своем давнем знакомстве с сыном Троцкого Седовым и о своей троцкистской деятельности, начавшейся с 1931 г. С Седовым познакомил его один из руководителей германских троцкистов Грилевич. Далее Берман-Юрин рассказывает о своих встречах с Седовым.

Берман-Юрин: С Седовым у меня был ряд бесед. Седов систематически старался убедить меня и убедил, что борьба с коммунистической партией — это борьба со Сталиным. В конце 1931 года Седов вызвал меня и спросил, не знаю ли я надежного, верного человека-немца, который мог бы выполнить важное поручение, связанное с поездкой в Москву. Я назвал Альфреда Кунта, которого знал как крепкого троцкиста.

По предложению Седова Берман-Юрин встретился с Альфредом Кунтом, передал ему разговор с Седовым и получил его согласие на поездку в Москву. Задание заключалось в следующем: надо было отвезти в Москву по определенной явке два документа от Троцкого, в том числе директиву Троцкого о задачах террористического подполья в СССР. В Москве Альфред Кунт *должен был связаться лично со* Смирновым и передать ему эти два документа.

Берман-Юрин: Один документ касался новейших установок Троцкого по вопросам о международном положении, преимущественно о Германии. Второй документ я очень внимательно прочитал, он был написан рукой Седова, и это были директивные установки Троцкого относительно задач троцкистского подполья в СССР. Там говорилось, что надо готовиться к переходу на решительные и крайние методы борьбы и что под этим углом зрения и надо подбирать решительных людей, согласных с установками Троцкого. Особое внимание, говорилось в письме, надо обратить на троцкистов — членов ВКП(б), не скомпрометированных в рядах партии, как троцкисты. Организацию надо строить по принципу строжайшей конспирации, маленькими группами и притом не связанными между собой, чтобы при провале одной группы не провалить всей организации.

Альфред Кунт уехал в Москву в январе—феврале 1932 г. Через несколько дней стало известно, что он был на явочной квартире, передал документы, получил ответ, как и было условлено, но с Смирновым лично не встретился, так как его в Москве не оказалось. Кунт также сообщал, что он устроился вблизи Москвы, что есть успехи в его работе и что «дела идут хорошо».

Берман-Юрин переходит к подробному изложению обстоятельств встречи и беседы с Троцким в Копенгагене.

Берман-Юрин: В ноябре 1932 года у меня была встреча с Седовым, которая запомнилась мне хорошо потому, что Седов впервые заговорил откровенно о необходимости подготовить убийство вождей ВКП(б). Седов, очевидно, заметил мое колебание и сказал, что в ближайшее время Троцкий будет в Копенгагене, не хочу ли я поехать туда встретиться с ним. Я, конечно, выразил согласие.

В Копенгаген я приехал рано утром. Это было в конце ноября, 25—28 ноября 1932 года. Встретил меня на вокзале Грилевич, и мы поехали к Троцкому. Там меня Грилевич представил Троцкому, сам ушел, и мы остались с Троцким одни в комнате.

Перехожу к сообщению о разговоре с Троцким. У меня было с ним два свидания. Прежде всего он стал меня прощупывать в отношении моей работы в прошлом. Спрашивал, почему я перешел на позицию троцкизма. Я его информировал очень подробно. Затем Троцкий перешел к советским делам. Троцкий говорил: основной вопрос—это вопрос о Сталине. Сталина нужно физически уничтожить. Он говорил, что другие методы борьбы сейчас недейственны. Он говорил, что для этого необходимы люди, которые решились бы на все, которые пошли бы на самопожертвование ради этой, как он выразился, исторической задачи.

На этом закончилась первая беседа. Троцкий куда-то ушел. Берман-Юрин остался у него на квартире и ждал возвращения.

Берман-Юрин: Вечером мы продолжали наш разговор. Я задал ему вопрос, как согласовать индивидуальный террор с марксизмом. Троцкий заявил мне на это следующее: нельзя к вопросам подходить догматически. Он сказал, что в Советском Союзе создалась такая ситуация, которой Маркс не мог предвидеть. Троцкий сказал еще, что кроме Сталина нужно убить Кагановича и Ворошилова.

Вышинский: Какие еще затрагивал он вопросы, кроме вопросов террористического порядка?

Берман-Юрин: Троцкий говорил еще о своих взглядах на положение вещей в случае интервенции против Советского Союза. Он занимал совершенно ясную пораженческую позицию. Он еще говорил, что троцкисты должны пойти в армию, но защищать Советский Союз они не будут.

Вышинский: Он убедил вас?

Берман-Юрин: В течение беседы он нервно ходил по комнате и говорил о Сталине с исключительной ненавистью.

Вышинский: Вы дали согласие?

Берман-Юрин: Да.

Вышинский: На этом закончилась ваша беседа?

Берман-Юрин: У меня был разговор с Троцким еще вот о чем. После того, как я дал согласие, он сказал мне, что я должен готовиться к от'езду в Москву, при чем, так как у меня будут связи в Коминтерне, я должен подготовить террористический акт именно в связи с этим.

Вышинский: Значит, Троцкий дал вам не только общие указания, но и конкретизировал вашу задачу?

(ОКОНЧАНИЕ СМ. НА 3-й СТР.)

ПРОЦЕСС ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Вечернее заседание 20 августа

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО БЕРМАН-ЮРИНА

(ОКОНЧАНИЕ)

Берман-Юрин: Он заявил, что террористический акт нужно приурочить, по возможности, к какому-нибудь пленуму или конгрессу Коминтерна, чтобы выстрел в Сталина загремел на большом собрании. Это будет иметь огромный резонанс далеко за пределами Советского Союза и вызовет массовое движение во всем мире. Это будет всемирно-историческим политическим событием. Троцкий сказал, чтобы я не связывался в Москве ни с кем из троцкистов, чтобы я вел работу самостоятельно. Я ответил, что никого не знаю в Москве и трудно представляю себе, как мне при таких обстоятельствах действовать. Я сказал, что у меня есть знакомый Фриц Давид, и спросил, нельзя ли с ним связаться? Троцкий ответил, что поручит Седову уточнить этот вопрос и даст ему на этот счет соответствующие указания.

Разговор этот происходил в конце ноября 1932 года. В Москву Берман-Юрин выехал в марте 1933 года. Перед от'ездом Седов дал ему инструкцию связаться с Фриц Давидом и вместе с ним готовить террористический акт. Вскоре по прибытии в Москву Берман-Юрин встретился с Фриц Давидом, совместно они обсудили террористический план и стали к нему готовиться. Первоначально предполагалось, что покушение на товарища Сталина удастся провести на XIII пленуме ИККИ. Фрицу Давиду надо было раздобыть входной билет для Берман-Юрина, который и должен был стрелять в Сталина. Но накануне пленума выяснилось, что билета для Берман-Юрина не удалось достать, и план провалился. Решено было отложить убийство товарища Сталина до конгресса Коминтерна.

Берман-Юрин: В сентябре 1934 года конгресс должен был быть созван. Браунинг с патронами я дал Фрицу Давиду, чтобы он его у себя спрятал. Но перед открытием конгресса Фриц Давид сообщил мне, что билета он опять достать не может, но что сам он будет на конгрессе. Мы условились, что он же и совершит террористический акт.

Через несколько дней мы встретились с Фриц Давидом и он сказал, что стрелять не мог. Он — Фриц Давид — сидел в ложе, в ложе было много народа, не было никакой возможности стрелять. Таким образом и этот наш план провалился.

В декабре Фриц Давид сообщил мне, что недавно к нему явился посланец от Седова и Троцкого и потребовал информации, почему не выполнен террористический акт. Фриц Давид информировал его подробно и получил директиву воспользоваться другим случаем, форсировать подготовку акта, воспользоваться каким-нибудь совещанием, приемом, на который я или Фриц Давид должен был проникнуть во что бы то ни стало, и там убить Сталина.

В мае 1936 г. Фриц Давид сообщил мне, что приехал и у него был опять посланец от Троцкого — немец, который говорил с ним чрезвычайно резко, обвиняя нас в бездействии, в нерешительности, в отсутствии мужества и буквально требовал воспользоваться любым случаем для убийства Сталина. Надо торопиться, нельзя терять времени, говорил он.

В конце мая 1936 г. я был арестован, и моя террористическая деятельность была прервана.

В заключение допроса Берман-Юрина тов. Вышинский еще раз ставит вопросы о встречах Берман-Юрина с сыном Троцкого Седовым. Берман показывает, что он имел с ним неоднократные встречи с конца 1931 года по март 1933 г.

Вышинский: И Троцкий, и Седов ставили перед вами вопрос о терроре и агитировали вас согласиться на террористический акт?

Берман-Юрин: Совершенно верно.

Вышинский: Вы дали согласие и были направлены Троцким?

Берман-Юрин: Троцким через Седова.

Допросом подсудимого Берман-Юрина вечернее заседание 20 августа заканчивается.

Утреннее заседание 21 августа

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ГОЛЬЦМАНА

Утреннее заседание 21 августа начинается с допроса подсудимого Гольцмана.

Гольцман — один из активнейших участников троцкистской контрреволюционной организации, лично связанный с руководителем троцкистского центра в СССР — Смирновым И. Н.

По поручению Смирнова он поддерживал связь с заграничным троцкистским центром.

В 1932 году он получил лично от Л. Троцкого директиву о подготовке террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Гольцман показывает, что со Смирновым он знаком с 1918 года. В 1926 г. Гольцман примкнул к троцкистской организации. Порвав впоследствии формально с троцкистами, он продолжает встречаться с троцкистами, в частности со Смирновым. После продолжительного увиливания от признания своей нелегальной троцкистской деятельности Гольцман, отвечая на в упор поставленные ему тов. Вышинским вопросы, показывает, что в 1931 г. он «случайно» встретился со Смирновым на улице. Смирнов предложил ему встречаться на квартире у своей матери. В 1932 г. Гольцман пришел на свидание и сообщил Смирнову, что его хотят вскоре командировать за границу, но «он отказывается и едет неохотно». Смирнов посоветовал ему поехать. Гольцман согласился командировку принять и поехать за границу. Смирнов предложил ему зайти перед от'ездом еще раз.

Перекрестным допросом Гольцмана и Смирнова устанавливается, что Смирнов держал Гольцмана на особо конспиративном положении, используя его для особо конспиративных поручений.

Между Гольцманом и тов. Вышинским происходит следующий диалог:

Вышинский: Я спрашиваю, были ли вы законспирированным членом троцкистской организации, действовавшей под руководством Смирнова? Признаете вы себя здесь, перед пролетарским судом, в этом виновным или нет?

Гольцман: Да.

Далее государственным обвинителем устанавливается, что встречи на квартире матери Смирнова не были случайными и что квартира эта служила постоянной явкой для встреч Гольцмана со Смирновым. Устанавливая обстоятельства встреч Гольцмана со Смирновым на квартире его матери, тов. Вышинский задает Гольцману ряд вопросов.

Вышинский: Значит, вы знали, что в известное время вы Смирнова застанете на квартире его матери?

Гольцман: Да.

Вышинский: Это была троцкистская явка Смирнова?

Гольцман: Как теперь выясняется, да.

Подсудимому Гольцману не удается также, несмотря на его многочисленные попытки, отвертеться от того факта, что он оставался, по заданию троцкистского центра, законспирированным троцкистом внутри партии.

Вышинский: Вы формально были в партии?

Гольцман: Да.

Вышинский: Одновременно вы были троцкистом?

Гольцман: Троцкистом.

Вышинский: И...

Гольцман: Контрреволюционером.

Вышинский: И двурушником?

Гольцман: Да.

Перед своим от'ездом за границу Гольцман пришел на явку и встретил там Смирнова. Смирнов сказал Гольцману, что во время своего пребывания в Берлине он должен встретиться с сыном Троцкого — Седовым. Смирнов сообщил Гольцману, что он даст ему доклад, который надо передать Седову для Троцкого. Доклад, как подтверждают и Гольцман и Смирнов, надо было доставить лично Седову для передачи Троцкому. Смирнов дал Гольцману номер телефона, по которому он должен был вызвать Седова. Тут же Смирнов сообщил ему пароль, который гласил: «Я привез привет от Гали». Последующими показаниями устанавливается, что Смирнов также сообщил Гольцману шифр для переписки с Троцким, для которого использовались определенные страницы книги «Тысяча и одна ночь».

По приезде в Берлин, показывает Гольцман, он созвонился с Седовым по телефону и условился о встрече, которая состоялась около Зоологического сада. Так как Гольцман и Седов друг друга не знали, они условились, что оба будут держать в руках по одному экземпляру газет «Берлинер тагеблатт» и «Форвертс». Встретившись с Гольцманом, Седов предложил ему сесть в машину.

«Мы поехали, — продолжает свое показание Гольцман. — Я улицы не помню. Седов завез меня на одну квартиру, где никого не было. Это было на четвертом этаже, и там я передал ему этот доклад, передал шифр... Таким образом я с ним встречался раз шесть — восемь в продолжение четырех месяцев. В ноябре я опять позвонил Седову, и мы снова встретились. Седов сказал мне: «Так как вы собираетесь ехать в СССР, то было бы хорошо, чтобы вы со мной поехали в Копенгаген, где находится мой отец».

Вышинский: То-есть?

Гольцман: То-есть Троцкий.

Вышинский: Вы поехали?

Гольцман: Я согласился. Но заявил ему, что ехать вместе нам нельзя по конспиративным соображениям. Я условился с Седовым, что через два — три дня я приеду в Копенгаген, остановлюсь в гостинице «Бристоль», и мы там встретимся. Прямо с вокзала я пошел в гостиницу и в фойе встретился с Седовым.

Около десяти часов утра мы приехали к Троцкому. Когда мы пришли к Троцкому, он прежде всего интересовался настроениями и отношением партийных масс к Сталину. Я ему сказал, что собираюсь сегодня уехать из Копенгагена и через несколько дней уеду в СССР. Тогда Троцкий в довольно возбужденном состоянии, расхаживая по комнате, сказал мне, что он готовит письмо для Смирнова, но, в виду того, что я уезжаю в этот же день, он этого не сделает. Должен сказать, что во все время разговора с Троцким я был с ним один-на-один. Очень часто приходил и выходил из комнаты сын Троцкого Седов.

Гольцман показывает, что в дальнейшей беседе с ним Троцкий высказался за то, что «нужно убрать Сталина». По этому поводу происходит следующий диалог между государственным обвинителем и подсудимым:

Вышинский: Что значит «убрать Сталина»? Раз'ясните.

Гольцман: Я скажу об этом. Дальше Троцкий говорил, что если Сталин будет убран, то тем самым возможно, что троцкисты придут к власти и руководству ВКП(б). Он сказал при этом, что единственный способ убрать Сталина — это террор.

Вышинский: Троцкий прямо так и сказал?

Гольцман: Да. Для этого, как он сказал, нужно подобрать кадры ответственных и способных на это дело людей. И дальше он сказал, что это нужно передать Смирнову, не говоря об этом никому другому.

Вышинский: Только Смирнову?

Гольцман: Да. В этот момент вошел Седов и начал торопить, чтобы мы окончили разговор. На этом наш разговор был окончен и я вышел.

Вышинский: Значит, Троцкий вам прямо сказал, что основной задачей сейчас (это значит, осенью 1932 г.) является убийство товарища Сталина? Вы это твердо помните?

Гольцман: Да.

Вышинский: Значит, в этом заключалась директива Троцкого?

Гольцман: Да, Троцкий не мог ее изложить в письменном виде, а поэтому я принял в устной форме и передал ее точный смысл по приезде в Москву.

Вышинский: Это была устная директива Троцкого?

Гольцман: Да.

В дальнейшем ходе допроса Гольцман пытается увильнуть от ответственности, заявляя, что он не разделял точки зрения Троцкого на террор. Обвиняемый тут же изобличается в том, что, вернувшись в СССР, он продолжал оставаться в подпольной троцкистской организации, продолжал встречаться с троцкистами. В заключение допроса тов. Вышинский окончательно изобличает Гольцмана.

Вышинский: Мы знаем, что Смирнов через некоторое время директиву о терроре получил и без вас. Я вас обличаю в том, что вы получили эту директиву. Вы знали, что у троцкистов уже имеется установка на террор, и при этих условиях вы продолжали оставаться троцкистом?

Гольцман: Да.

Вышинский: Продолжали связь с троцкистами?

Гольцман: Да.

Вышинский: Следовательно, вы продолжали быть членом троцкистской организации?

Гольцман: Да.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО Н. ЛУРЬЕ

Допрашивается подсудимый Натан Лурье. По специальному поручению троцкистской организации он прибыл из Берлина в СССР для совершения террористических актов. Вся его троцкистская деятельность начиная с 1927 года, была направлена на подрыв мощи советского государства.

Вышинский: С кем вы прежде всего сблизились, сделавшись троцкистом?

Н. Лурье: С Моисеем Лурье.

Вышинский: Когда произошло это сближение?

Н. Лурье: В конце лета 1927 года.

Вышинский: Когда у вас возникли террористические настроения, намерения, террористические планы?

Н. Лурье: Все годы, которые я провел в троцкистской организации в Германии, они сводились, в конце концов, как меня воспитывала троцкистская организация, к возбуждению ненависти к Сталину и руководству ВКП(б). В начале 1932 года Моисей Лурье мне сказал, что пора ехать в СССР и проводить там террористическую работу. Это его указание не было для меня неожиданностью. Оно логично вытекало из всей предыдущей работы. Я приехал в апреле 1932 года в СССР с заданием связаться там с троцкистами, которых я знал по Германии, и вместе с ними проводить террористическую работу.

Н. Лурье начал с установления в Москве связей с троцкистами, прежде всего, с теми, которых он знал по Германии: Константом и Липшицем.

Н. Лурье: Константу я рассказал об установке на террор, которую я получил от троцкистской организации через Моисея Лурье. Констант мне сказал, что для него это не новость. Они тоже имеют установку на террор и даже практически приступили к его осуществлению. Он мне рассказал, что у них есть террористическая группа, в которую входят Констант и Липшиц, а также один немецкий инженер, архитектор Франц Вайц.

Вышинский: Кто такой Франц Вайц?

Н. Лурье: Франц Вайц был членом национал-социалистской партии Германии, прибыл в СССР по поручению Гиммлера, который в то время был начальником охранных отрядов, впоследствии Гиммлер стал начальником Гестапо.

Вышинский: Франц Вайц был его представителем?

Н. Лурье: Франц Вайц приехал в СССР по поручению Гиммлера для проведения террористических актов.

Вышинский: Откуда вы это узнали?

Н. Лурье: Сперва мне рассказал об этом Констант, а потом сам Франц Вайц.

То обстоятельство, что во главе террористической группы стал прямой агент немецкой политической полиции, нисколько не смутило Н. Лурье и его троцкистскую компанию.

— Я пришел к заключению, — говорит Н. Лурье, — что если троцкисты перешли к методам вооруженной борьбы, то это имеет свою логику, то-есть, если фашист предлагает свои услуги для террора, то этими услугами надо воспользоваться. Я продолжил связь с Францем Вайцем и работал под его практическим руководством.

В августе 1932 года Франц Вайц сообщил Н. Лурье, что имеется возможность совершить покушение на народного комиссара обороны СССР тов. Ворошилова. Террористическая группа получила задание фашистского охранника приступить к действию. В течение долгого времени группа Н. Лурье готовила покушение на тов. Ворошилова.

Председатель суда: Когда вы готовили покушение на тов. Ворошилова — вы длительное время занимались наблюдением за выездами тов. Ворошилова, за его машиной? Сколько времени вы посвятили подготовке покушения на тов. Ворошилова?

Н. Лурье: Мы этим занимались с сентября 1932 г. до весны 1933 г.

Председатель суда: Судя по вашим показаниям, вы неоднократно выходили на улицу Фрунзе и на другие прилегающие улицы, будучи вооружены револьверами?

Н. Лурье: Да.

Председатель суда: Вся ваша тройка была вооружена?

Н. Лурье: Да.

Председатель суда: Так что вы совершили бы террористический акт, если бы благоприятный момент представился? Почему же это вам не удалось?

Н. Лурье: Мы видели машину Ворошилова, когда она проезжала по улице Фрунзе. Проезжала она слишком быстро. Стрелять по быстро идущей машине безнадежно; мы решили, что это не имеет смысла.

Председатель суда: Вам удавалось видеть машину тов. Ворошилова?

Н. Лурье: Я ее видел и второй член группы — Павел Липшиц.

Председатель суда: Вы прекратили дальнейшие наблюдения за машиной тов. Ворошилова?

Н. Лурье: Да.

Председатель суда: По каким соображениям?

Н. Лурье: Потому что мы убедились, что стрелять из револьвера не имеет смысла.

Председатель суда: На что вы переключили ваше внимание после этого?

Н. Лурье: На приобретение взрывчатых веществ.

Председатель суда: Какого характера террористический акт вы имели в виду совершить?

Н. Лурье: Террористический акт — бомбой.

Председатель суда: Вы сказали, что переключили свое внимание на приобретение взрывчатых веществ для совершения террористического акта. Над кем?

Н. Лурье: Над Ворошиловым.

Председатель суда: На улице или в помещении?

Н. Лурье: На улице.

В июле 1933 года Н. Лурье был командирован в Челябинск на работу в качестве врача-хирурга (по специальности).

В Челябинске Н. Лурье не прекращает своей террористической деятельности и не оставляет своих террористических замыслов. Н. Лурье показывает суду, что, зная о приездах в Челябинск тт. Кагановича и Орджоникидзе, он пытался встретить их на заводе и совершить террористический акт. Эти намерения осуществить не удалось.

В январе 1936 года Н. Лурье уезжает из Челябинска, получив научную командировку в Ленинград. Будучи проездом в Москве, он встречает там Моисея Лурье, который дал ему задание — совершить покушение на тов. Жданова.

Председатель суда: Какие указания вам делал Моисей Лурье о терроре в 1934—35—36 гг.?

Н. Лурье: Я ему рассказал, что думаю совершить покушение на Орджоникидзе и Кагановича, но затем в январе месяце 1936 г. он поручил мне стрелять в Жданова на первомайской демонстрации в Ленинграде.

Председатель суда: Вы считали Моисея Лурье вашим руководителем, раз принимали такие указания?

Н. Лурье: Да.

Председатель суда: Когда вы уезжали в Ленинград, вы приняли на себя проведение в жизнь указания М. Лурье?

Н. Лурье: Я знал, что я буду участвовать в первомайской демонстрации и, если будет возможность, я постараюсь это поручение выполнить.

Председатель суда: Вы участвовали в демонстрации?

Н. Лурье: Да.

Председатель суда: Были вооружены?

Н. Лурье: Да, револьвером.

Председатель суда: Откуда вы достали оружие в этом году?

Н. Лурье: Оно оставалось на хранении у Константа.

Председатель суда: Когда вы взяли это оружие?

Н. Лурье: В марте 1936 г.

Председатель суда: Какой системы револьвер?

Н. Лурье: Браунинг.

Председатель суда: Какой? Средний?

Н. Лурье: Да.

Председатель суда: Вам удалось пройти в колонны демонстрантов на площадь Урицкого?

Н. Лурье: Да.

Председатель суда: Почему вам не удалось произвести покушение на Жданова?

Н. Лурье: Мы далеко проходили.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО М. ЛУРЬЕ

На вопрос председателя М. Лурье заявляет, что полностью подтверждает свои показания, данные им на предварительном следствии.

Вышинский: Скажите, пожалуйста, обвиняемый Лурье, какие вы сделали конкретные шаги в террористической вашей деятельности?

М. Лурье: Я получил задание директивного порядка, уезжая из Берлина в Москву 4 марта 1933 года. Получил это задание от Рут Фишер и Маслова, но фактически это было задание самого Троцкого. С Рут Фишер я был связан с 1924 г., а по оппозиционной работе в зиновьевской фракции — с октября 1925 года; а с Масловым — с 1927 г. после моего возвращения из Москвы в Берлин. Характер задания следующий: Троцкий считает и настаивает, а мы, т. е. Маслов и Рут Фишер, солидарны с этой директивой Троцкого, заключающейся в следующем: необходимо ускорить организацию террористических актов над руководителями ВКП(б) и советского правительства, и в первую очередь над Сталиным. Эту директиву я принял лично в устной форме от Рут Фишер и Маслова, как я уже сказал, 4 марта 1933 года.

Вышинский: Я жду ваших об'яснений по поводу практических шагов в этом направлении.

М. Лурье: Прибыв в Москву 9 марта 1933 года, я передал эту устную директиву по назначению, а именно — бывшему личному эмиссару Зиновьева в Берлине — Герцбергу А. В. С Герцбергом я был связан по зиновьевской работе с ноября 1927 года до его от'езда в Москву, в конце 1931 года. Передал я эту директиву не позже второй половины апреля. Герцберг задание принял и сказал, что эта директива Троцкого, Рут Фишер и Маслова полностью совпадает с уже имеющимися тождественными решениями нашего центра в стране.

Отвечая на вопросы прокурора о практических шагах, предпринятых подсудимым в отношении организации террористических актов, М. Лурье сообщает о трех его встречах с Зиновьевым. В одной из этих встреч, имевшей место на квартире у Зиновьева в начале августа 1934 г., Лурье подробно информировал Зиновьева о директивах Троцкого, полученных через Рут Фишер и Маслова, о подготовке террористических актов, в частности, о деятельности группы его однофамильца — Натана Лурье.

Вышинский: Скажите, пожалуйста, вы были связаны с Натаном Лурье?

М. Лурье: Да, я был связан с Натаном Лурье, примерно, с апреля месяца 1933 г. по 2 января 1936 г.

Вышинский: Вы знали Натана Лурье, как члена подпольной троцкистской организации?

М. Лурье: Безусловно.

Вышинский: Вы знали, что в этот период Натан Лурье занимался подготовкой ряда террористических актов?

М. Лурье: Совершенно верно.

Далее М. Лурье рассказывает, как он организовывал покушение на тов. Орджоникидзе. Этот террористический акт должен был быть осуществлен во время приезда тов. Орджоникидзе на Челябинский тракторный завод. Для этой цели М. Лурье предложил уезжающему на Челябинский тракторный завод Н. Лурье использовать возможный приезд тов. Орджоникидзе на завод для осуществления террористического акта.

Вышинский: Еще в каких мероприятиях по совершению террористических актов вы участвовали?

М. Лурье: Я участвовал в подготовке покушения на Жданова.

Обвиняемый подробно рассказывает, как 2 января 1936 г. он передал Натану Лурье конкретное задание об организации террористического акта против тов. Жданова, обещал ему дополнительно дать явки и связать его с террористической группой Зайделя в Ленинграде.

Далее тов. Вышинский спрашивает М. Лурье, что он еще может добавить к своим показаниям.

М. Лурье: Я могу внести некоторые дополнения к показанию Натана Лурье и о моем важном разговоре с Зиновьевым о группе Вайца. Натан Лурье сообщил мне конкретно о работе террористической группы, организованной Вайцем. Заметив мою растерянность по поводу такого союзника, Н. Лурье спросил меня, как я отношусь к этому делу. Я ответил, что мое личное отношение здесь роли не играет, что я немедленно об этом передам по назначению, сказав Н. Лурье — если ты не получишь отрицательного ответа, стало быть, ты работаешь уже с ведома центра.

Вышинский: Кого вы персонально имели в виду?

М. Лурье: Я имел связь с особо доверенным лицом Зиновьева — Герцбергом А. В. Натан Лурье не получил от меня отрицательного ответа. Группа Натана Лурье, организованная фашистом Франц Вайцем, со времени разговора Натана Лурье со мною в апреле 1933 г., работала с ведома и безусловно с согласия центра и лично Зиновьева.

В заключение допроса М. Лурье происходит следующий диалог:

Вышинский: Следовательно, вы признаете, что были в течение длительного ряда лет членом подпольной троцкистской организации?

М. Лурье: Да, полностью признаю.

Вышинский: Эта организация преследовала террористические цели?

М. Лурье: Признаю, я привез такую директиву.

Вышинский: Вы подтверждаете, что получили директиву о терроре от Троцкого через Рут Фишер и Маслова и передали ее Зиновьеву?

М. Лурье: Да.

Вышинский: Вам известно, что директива была передана?

М. Лурье: Совершенно точно.

Вышинский: Вы были связаны с группой Натана Лурье и одновременно с фашистским агентом Франц Вайцем?

М. Лурье: Да.

Вышинский: Вместе с Натаном Лурье вы подготовляли ряд покушений и дали установку на подготовку покушения против тов. Сталина?

М. Лурье. Я не принимал участия в подготовке, но передал директиву о покушении.

Вышинский: Вы дали задание подготовить покушение на Орджоникидзе и Жданова, при чем дали не только задание, но указали и связи?

М. Лурье: Да, я сказал Натану Лурье, что он еще получит явку.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ТЕР-ВАГАНЯНА

Суд переходит к допросу подсудимого Тер-Ваганяна.

Подсудимый Тер-Ваганян, отвечая на вопросы тов. Вышинского, признает, что он являлся одним из организаторов троцкистско-зиновьевского центра, а также то, что этот центр организовался на основе директивы Троцкого о терроре.

Вышинский: Директивы, своевременно переданной вам, как одному из организаторов?

Тер-Ваганян: Да.

Вышинский: Вы признаете, что вы лично также занимались подготовкой некоторых террористических актов?

Тер-Ваганян: Подготовкой террористических актов я не занимался, однако участие в работе центра я принимал.

Вышинский: Участие в террористической работе?

Тер-Ваганян: Вся работа была террористическая.

Вышинский: Вы сказали на допросе от 14 августа таким образом: «Из лиц, вошедших в об'единенный троцкистско-зиновьевский центр, о чем я подробно говорил в своих показаниях от 16 июля с. г., практически сколачиванием и подготовкой террористической группы руководили Смирнов И. Н., Мрачковский, Зиновьев и Каменев». — Вы это подтверждаете?

Тер-Ваганян: Да.

Вышинский: И добавили: «Лично я работал по заданию Смирнова и Каменева». — Вы это подтверждаете?

Тер-Ваганян: Да.

Вышинский: В 1931 году у Смирнова были настроения за насильственные методы борьбы?

Тер-Ваганян: Да, как и у всех троцкистов, окружающих Смирнова.

В дальнейших своих показаниях Тер-Ваганян, говоря о своем возвращении в Москву из Закавказья, подтверждает показания свидетельницы Сафоновой о том, что Сафонова информировала Тер-Ваганяна о поездке Смирнова за границу и о свидании последнего с Л. Седовым.

«Должен сказать, — показывает Тер-Ваганян, — что никакого разговора о том, что эта директива о терроре есть личное мнение Седова, не было. Если бы Сафонова сказала мне, что это есть личное мнение Седова, то мы бы вместе с ней посмеялись над этим, как над анекдотом. Когда вернулся Смирнов, он повторил мне и Сафоновой свой рассказ».

Отвечая на вопрос тов. Вышинского о том, из каких соображений Смирнов это отрицает, Тер-Ваганян об'ясняет суду, что Смирнов боится сказать перед судом всю правду, потому что вслед за этим ему пришлось бы назвать ряд лиц, который имел касательство к террору. В частности, говорит Тер-Ваганян, Смирнов не хочет сказать, что, начиная с 1928 года, он систематически поддерживал связь с грузинскими уклонистами. В 1932 году, после приезда из-за границы, Смирнов имел свидание с грузинскими уклонистами, которые, как известно, были настроены террористически с 1928 года.

Вышинский: Смирнов, вы подтверждаете, что были связаны с грузинскими уклонистами?

Смирнов: В 1929 году я встречался с Окуджавой.

Вышинский (обращаясь к Тер-Ваганяну): Группа Штыкгольда к какому относится времени?

Из дальнейшего опроса подсудимого Тер-Ваганяна выясняется связь И. Н. Смирнова с террористической группой Штыкгольда.

— Штыкгольда, — говорит Тер-Ваганян, — познакомил со мной в 1929 году И. Н. Смирнов, который попросил, чтобы я Штыкгольда принимал, когда он будет приезжать. Он не хотел, чтобы Штыкгольд еще с кем-нибудь виделся. Такая конспирация имела только один смысл: Штыкгольд имел какие-то особые связи, которые нужно было беречь.

На заданный тов. Вышинским вопрос И. Н. Смирнов отрицает, что он знакомил Штыкгольда с Тер-Ваганяном и что был с ним на квартире у последнего. Однако, уличаемый Тер-Ваганяном, он вынужден признать, что такая встреча могла иметь место.

Вышинский (обращаясь к Смирнову): Вы допускаете, что вы могли зайти к Тер-Ваганяну со Штыкгольдом?

Смирнов: В 1929 г. допускаю.

Вышинский: Значит, в 1929 г. вы, Тер-Ваганян и Штыкгольд встречались?

Смирнов: Возможно.

Тер-Ваганян (обращаясь к Смирнову): Это было зимой 1929—30 г.?

Смирнов: Да.

Вышинский (обращаясь к Тер-Ваганяну): Группа Штыкгольда была террористической?

Тер-Ваганян: Да, была террористической.

С осени 1931 года, — продолжает Тер-Ваганян, — начинается моя очень тесная связь и дружба с Ломинадзе. С Ломинадзе я встречался неоднократно, и при этих встречах мы вели разговоры о блоке.

Продолжая свои показания, Тер-Ваганян говорит, что в этот период начались переговоры троцкистов с зиновьевцами и «леваками» об об'единении, при чем установка на террор была совершенно ясна.

Вышинский: Когда это было?

Тер-Ваганян: После приезда Смирнова из Берлина.

Вышинский: В этот период была ясна установка на террор?

Тер-Ваганян: Да, ясна, потому что директива была уже привезена.

Тов. Вышинский, уточняя вопрос, на какой основе состоялся блок с «леваками», задает подсудимому Смирнову ряд вопросов. Из ответов Смирнова выясняется, что блок был создан на террористической основе.

Вышинский (обращаясь к Смирнову): Вы организовали блок или нет?

Смирнов: Я поручил Тер-Ваганяну вести переговоры с Ломинадзе.

Вышинский: Для чего?

Смирнов: Для об'единения.

Вышинский: Об'единение состоялось?

Смирнов: Да.

Вышинский: С «леваками»?

Смирнов: Да.

Вышинский: Вы вошли в блок?

Смирнов: Да.

Вышинский: Тогда действовала директива о терроре?

Смирнов: Да.

Отвечая на вопрос тов. Вышинского о своей личной террористической деятельности, Тер-Ваганян подчеркивает, что он проводил террористическую работу под руководством Смирнова и Каменева. В частности, он обсуждал вопрос о терроре с троцкистами Зайделем и Фридляндом. «В 1932 году, — говорит Тер-Ваганян, — при встрече с Фридляндом я ему сказал, что сейчас необходимо перейти к насильственной борьбе с партией. На его вопрос — что означают насильственные формы борьбы? — я ему ответил: ты же не ребенок — насильственные формы борьбы — это террористические формы борьбы. Это же ясно».

Рядом вопросов тов. Вышинский уточняет взаимоотношения по террористической работе между Тер-Ваганяном и Фридляндом. Из ответов Тер-Ваганяна выясняется, что Тер-Ваганян давал Фридлянду указания об организации террористических актов.

(ОКОНЧАНИЕ СМ. НА 4-й СТР.)

ПРОЦЕСС ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Вечернее заседание 21 августа

(ОКОНЧАНИЕ)

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ФРИЦА ДАВИДА (КРУГЛЯНСКОГО)

На вечернем заседании 21 августа последним давал показания подсудимый Фриц Давид (Круглянский), переброшенный Троцким из-за границы в качестве террориста с поручением совершить покушение на товарища Сталина. На вопрос председателя суда обвиняемый подтверждает свои показания о тех заданиях, которые он получил лично от Троцкого в Копенгагене. Чтобы не подвергать риску подпольную троцкистскую организацию, Фриц Давид в СССР ни с кем не связывался, кроме Бермана-Юрина. Это было сделано, как заявляет подсудимый, по прямому указанию Троцкого.

Фриц Давид, отвечая на вопросы тов. Вышинского, подробно показывает суду, как он связался в августе 1932 года с Седовым, а через последнего с Троцким.

Вышинский: Когда вы встретились с Троцким?

Фриц Давид: Я с ним встретился в конце ноября 1932 года.

Вышинский: Как вы приехали к нему?

Фриц Давид: Я приехал по фальшивому паспорту. В одной из бесед, которую я имел с Седовым, он сказал мне, что Троцкий должен приехать в Европу и желал бы со мною повидаться.

Вышинский: Скажите, в *этой встрече* с Троцким у вас был разговор о терроре?

Фриц Давид: Был.

Вышинский: По чьей инициативе?

Фриц Давид: *По инициативе Троцкого.*

В своих показаниях о содержании беседы с Троцким Фриц Давид заявляет, что Троцкий говорил о том, что приход троцкистов к власти в СССР возможен только при условии физического уничтожения Сталина.

В качестве одной из перспектив Троцкий выдвигал пораженчество в случае войны, но подчеркивал, что «есть более близкая перспектива прихода троцкистов к власти — перспектива физического устранения Сталина».

Вышинский: Как вы отнеслись к этой мысли?

Фриц Давид: Я *эту вторую перспективу* принял.

Вышинский: Вы так и сказали ему, что вы эту установку принимаете, что вы согласны?

Фриц Давид: Да.

Вышинский: Что же дальше произошло?

Фриц Давид: Дальше Троцкий дал мне две директивы. Первая директива касалась конспирации.

Вышинский: Вы сказали ему, что вы возьмете на себя террористическое поручение?

Фриц Давид: Да. Он предложил мне поехать в СССР и совершить террористический акт лично, без помощи других, без какой-нибудь организации, без связи с другими троцкистами.

Вышинский: К этому и сводилась директива о конспирации?

Фриц Давид: Да. Троцкий мне говорил, что это *дело связано с риском и что не имеет* смысла ввязывать в этот риск троцкистскую организацию в СССР. Вторая директива касалась того, что этот террористический акт должен носить международный характер, произведен на международном собрании. Этот выстрел, по выражению Троцкого, должен прогреметь на весь мир.

Вышинский: Этим и закончилась ваша беседа?

Фриц Давид: Этим и закончилась наша беседа, очень длинная. Кроме того, Троцкий говорил еще, например, о том, что разговоры о несовместимости индивидуального террора с марксизмом—*это тоже для мещан от марксизма.*

Вышинский: Какие еще инструкции давал вам Троцкий?

Фриц Давид: Троцкий предложил мне держать себя в СССР так, чтобы не проявлять никаких уклонов от генеральной линии партии, чтобы в своих выступлениях в печати я строго придерживался линии партии и чтобы после совершения террористического акта я ни в коем случае не раскрывал связей.

Приехав в марте 1933 года в СССР, Фриц Давид встретился с Берман-Юриным, который его разыскал по поручению Седова. Фриц Давидом и Берман-Юриным были разработаны два конкретных плана покушения на товарища Сталина: первое покушение — на 13-м пленуме ИККИ, второе—на VII конгрессе Коминтерна. Эти замыслы сорвались, так как на 13-м пленуме товарищ Сталин не присутствовал. На конгресс Коминтерна проник только один Фриц Давид, так как для Берман-Юрина он не сумел достать билета. Фриц Давид, *по его словам, не смог совершить* террористического акта потому, что приблизиться к товарищу Сталину было невозможно.

Вышинский: Вы, значит, проникли на конгресс?

Фриц Давид: Да, я был на конгрессе.

Вышинский: Почему террористический акт не состоялся?

Фриц Давид: В обвинительном заключении правильно говорится о том, что я не мог приблизиться к Сталину.

Вышинский: Вы пошли на конгресс, чтобы совершить покушение?

Фриц Давид: Конечно.

После VII конгресса к Фриц Давиду дважды являлись посланцы от сына Троцкого—Седова, которые от имени Седова обвиняли террористов в недостаточной активности и предлагали им ускорить террористический акт, согласно указаний Троцкого.

Вышинский: Эти встречи происходили на основе ваших террористических планов?

Фриц Давид: Встречи были вызваны тем, что акт на VII конгрессе не произошел, и это вызвало ярость Седова.

Вышинский: Но у вас прошли эти террористические настроения или сохранились до последнего времени?

Фриц Давид: Да, сохранились.

Вышинский: До какого времени?

Фриц Давид: До ареста.

Вышинский: Таким образом, можно подвести итоги. Вы были членом троцкистской организации и лично виделись с Троцким. Троцкий лично командировал вас в СССР для того, чтобы совершить террористический акт, предупредив вас, что вы должны быть строго законспирированы. Этим об'ясняется то, что вы не вступили в связь с другими членами троцкистской организации, кроме Берман-Юрина. Вместе с Берман-Юриным, который получил аналогичное поручение, вы подготовили покушение на товарища Сталина, приурочивая это к VII конгрессу в 1935 г. Вы лично проникли на конгресс, воспользовавшись своими связями в Коминтерне, чтобы совершить этот акт, но это вам не удалось по обстоятельствам, от вас не зависящим.

Фриц Давид: Этот последний момент я отчасти оспариваю не для того, чтобы смягчить свою вину, а просто, чтобы представить всю картину.

Вышинский: Тогда скажем: по об'ективным обстоятельствам?

Фриц Давид: По об'ективным и суб'ективным факторам.

Вышинский: Но вы не будете отрицать пред'явленного вам обвинения в том, что вам это выполнить не удалось вследствие того, что вы не смогли проникнуть поближе к Президиуму и не имели возможности приблизиться к товарищу Сталину?

Фриц Давид: Это одна причина.

Вышинский: Да, это одна причина, но причина очевидная, об'ективная, а все остальное — это психология.

На этом допрос обвиняемых закончился.

Заявление прокурора Союза ССР тов. Вышинского

После допроса подсудимых на вечернем заседании 21 августа прокурор Союза ССР тов. Вышинский сделал следующее заявление:

«На предыдущих заседаниях некоторые обвиняемые (Каменев, Зиновьев и Рейнгольд) *в своих показаниях* указывали на Томского, Бухарина, Рыкова, Угланова, Радека, Пятакова, Серебрякова и Сокольникова, как на лиц, причастных в той или иной степени к их преступной контрреволюционной деятельности, за которую обвиняемые по настоящему делу и привлечены сейчас к ответственности. Я считаю необходимым доложить суду, что мною вчера сделано распоряжение о начале расследования этих заявлений обвиняемых в отношении Томского, Рыкова, Бухарина, Угланова, Радека и Пятакова, и в зависимости от результата этого расследования будет Прокуратурой дан законный ход этому делу. Что касается Серебрякова и Сокольникова, то уже сейчас имеющиеся в распоряжении следственных органов данные свидетельствуют о том, что эти лица изобличаются в контрреволюционных преступлениях, в связи с чем Сокольников и Серебряков привлекаются к уголовной ответственности».

* * *

В конце вечернего заседания 21 августа подсудимый Дрейцер, отвечая на вопросы тов. Вышинского по поводу некоторых подробностей контрреволюционной деятельности троцкистско-зиновьевского центра, заявил, что одним из активных участников террористической работы троцкистов был Путна — активный старый троцкист. По словам Дрейцера, Путна с двурушнической целью отошел в свое время от троцкистов, но продолжал до самого последнего времени вести глубоко законспирированную работу для троцкистского центра. В частности, показывает Дрейцер, Путна имел связь *непосредственно с Троцким, встречался с* И. Н. Смирновым и в 1932 г. передал Смирнову через Дрейцера устную директиву Троцкого об организации террористических групп. Подсудимый Смирнов, продолжая свою тактику, пытается отрицать факт участия Путна в террористической деятельности троцкистов. Однако, на вопросы тов. Вышинского подсудимые Пикель, Рейнгольд и Бакаев подтверждают показания Дрейцера.

По окончании допроса подсудимых председатель суда тов. Ульрих об'являет судебное следствие законченным.

Сегодня судебное заседание откроется в 11 ч. 30 мин. речью государственного обвинителя прокурора СССР тов. А. Вышинского.

В ЗАЛЕ СУДА

УБИЙЦЫ КИРОВА

В той злодейской очереди убийств, которую намечали первоначально Троцкий и троцкисты, Кирова не было. Не на нем сосредоточивали свое внимание террористы-троцкисты до своего блока с зиновьевцами, когда говорили об убийстве ближайших сотрудников товарища Сталина.

По словам Мрачковского, Троцкий в той директиве, которая была дана Смирнову, требовал убийства Сталина, Ворошилова, Кагановича.

Дрейцер говорит о директиве Троцкого, направленной против Сталина и Ворошилова.

Наконец, сам Троцкий в письме, посланном бандитам-заговорщикам, указывает: «Убрать Сталина и Ворошилова».

Троцкистский центр под руководством И. Н. Смирнова проводил эти указания Троцкого в жизнь. Одновременно с подготовкой покушения на жизнь товарища Сталина подготовлялось покушение на товарища Ворошилова.

Летом 1932 г. начинаются переговоры между троцкистами и зиновьевцами о совместной организации террора против руководителей партии и правительства. Зиновьев встречается со Смирновым. Им не приходится уговаривать друг друга и вести принципиальные дискуссии. Они понимают друг друга с полуслова.

Речь идет не о платформах. Речь идет об убийствах. Это—короткая и по-разбойничьи деловая речь.

Разногласий нет. Спорный пункт может быть только один. Очередь Троцкого: Сталин, Ворошилов. Очередь Зиновьева: Сталин, Киров.

Зиновьев и Смирнов договорились. Преступный блок образован. С этого момента имена Сталина и Кирова неразрывно фигурируют в планах убийц.

Зиновьев в переговорах своих со Смирновым не случайно требовал в первую после товарища Сталина очередь головы товарища Кирова. Зиновьевцы говорили, что с Кировым у них особые счеты.

Эту ненависть к Кирову Зиновьев разжигал во всех своих сторонниках. Растоптанные, подыхающие остатки зиновьевского оппозиционного сброда в Ленинграде товарищу Кирову приписывали все свои поражения и неудачи.

Но не это было основной причиной ненависти Зиновьева, той слепой его злобы, которая туманит голову и толкает на самые преступные действия.

Зиновьев ненавидел Кирова, как освистанный актер ненавидит своего талантливого соперника. Зиновьев накапливал в своем сердце бешеную зависть выброшенного на свалку мишурного «героя» к сильному, здоровому, свежему борцу, в котором все настоящее: и большевистские взгляды, и ленинско-сталинская выучка, и революционная воля, и социалистическая жизнерадостность.

Отвергнутый всеми ленинградскими рабочими, оплеванный ими, мгновенно забытый Зиновьев не мог простить товарищу Кирову его успеха в Ленинграде, среди старых кадровых рабочих и среди пролетарской молодежи. Он видел, как покорил Киров своим обаянием чудесного большевика город, который Зиновьев в комической самовлюбленности считал своей вотчиной. Замечательно звучал глубокий грудной голос Кирова, подкупающий своими искренними теплыми нотками после плаксивого зиновьевского взвизгивания, насквозь фальшивого, манерного.

Это не внешнее только было различие, как не внешним было различие между кислой, брюзгливой миной потертого актерского лица Зиновьева и всем незабываемым открытым, веселым, энергичным обликом товарища Кирова.

Большевистская прямота, честность, сила — во всех выступлениях Кирова, во всех его речах, в его улыбке... Какую ненависть рождало это в Зиновьеве, в Каменеве, во всей этой своре, которая двурушничество, предательство, обман, подлейший иезуитизм сделала своей натурой!

Да, у Зиновьева были свои особые счеты с Кировым, и эти счеты он пред'явил террористам троцкистского центра, когда налаживалась сделка на кровь и грязь.

Киров был намечен не только как жертва политического расчета бандитов индивидуального террора, но и как жертва низменной мстительности Зиновьева. Он готов был уступить кого угодно своим сообщникам по убийству, — он требовал головы Кирова для себя.

Летним вечером 1932 г. на даче Зиновьева—Каменева в Ильинском убийцы хладнокровно и деловито обсуждали убийство Сталина и Кирова. Зиновьев был признанным главарем террористической банды. Его голос был решающим. Зиновьев требовал немедленно *приступить к делу* — организовать одновременно убийство Сталина в Москве, Кирова — в Ленинграде.

Лично Зиновьев дает указание Бакаеву *взяться за организацию* террористического акта. Но он не ограничивается общей директивой. Хотя он неизменно рассматривает себя как «вождя» и не входит в мелочи по другим делам, предоставляя это низшим исполнителям, — в организации убийства Кирова он проявляет интерес ко всем деталям. Он не только дает распоряжения, он «*проверяет исполнение*».

Конечно, он в это же время занимается и другой своей работой: неутомимо двурушничает, пишет статьи, в которых клянется в своей преданности партии, публично и показательно плюет на все свое прошлое, кувыркается в низкопоклонническом усердии, ползает на брюхе, старается выразить на своем лице сладкое умиление от социалистического строительства. Его усердие противно. Раздражает приторность его лживого восторга, и ему не верят.

Таков он на людях, но, придя к себе, в свое контрреволюционное подполье, к своей бандитской шайке, он стирает румяна со своего лица старой проститутки, его глаза глядят холодно и хищно, и он спрашивает своих агентов—Бакаева, Евдокимова: почему еще жив Киров? Почему медлят Николаев и Котолынов в Ленинграде? Он резко выговаривает своим людям за нерешительность, за отсрочки. Он требует головы Кирова, крови Кирова... Если бы дело происходило в древности, он потребовал бы, чтобы ему принесли голову убитого Кирова, он насладился бы местью и праздновал бы открыто свое торжество.

Но времена другие и люди другие, и когда исполнитель-убийца Николаев разряжает револьвер, направленный в товарища Кирова рукой Зиновьева, первый и подлинный убийца прячет довольную улыбку в морщинах своего лица и бежит в редакцию с некрологом, в котором подлое лицемерие превосходит все шекспировские образцы. Подготовив гнусное убийство, он спешит теперь осквернить прах убитого своей омерзительной слезой.

Но тут и срывается провокаторско-иезуитская игра. Старый актер выступает теперь в своей последней роли. На скамье подсудимых он разыгрывает «искренность». В голосе—печаль и скорбь. В позе—благородство великого преступника, сознавшего свои заблуждения. И снова раздражает невыносимой фальшью этот писклявый тенорок, и противна эта манерность циничного убийцы.

Он ничего не может отрицать. Все факты против него. Все раскрыто до конца.

И когда прокурор в упор ставит ему вопрос:

— Убийство товарища Кирова—это непосредственно дело ваших рук?

Зиновьев отвечает так:

— Да.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ.

Тысяча и одна ночь шпионов Троцкого и Гестапо

Подсудимый Гольцман похож на жабу, мясистую и отвратную жабу. Особенно когда лицо его выражает недоумение. А недоумение разыгрывает Гольцман почти беспрерывно. Старый знакомец Троцкого—с 1918 года — и давний его соратник по контрреволюции, Гольцман, словно черт от ладана, хочет убежать от ответственности за свою террористическую деятельность. Он-де вовсе не террорист, он «только» перевозил доклады Смирнова за границу Троцкому. Он-де, Гольцман, *невинный агнец в должности почтальона.*

Но вот начинает его допрашивать прокурор, и выясняются детали контрреволюционной работы Гольцмана — прожженного шпиона, классического провокатора и троцкистского конспиратора. Начинается шпионская тысяча и одна ночь. Троцкистские явки? Да, Гольцман знал их. Пароль? Знал. Шифр? Знал. Опытнейший контрреволюционер, он прекрасно владел всей техникой конспирации. Чемоданы его были с двойным дном, потайными отделениями. К Седову в Берлине он пошел не сразу. Он тщательно обдумал все мельчайшие детали тайного свидания с сыном и агентом Троцкого. Виделся с Седовым много раз, ездил в Копенгаген к Троцкому, увозил его директивы Смирнову в СССР — и все с виртуозной шпионской хитростью. А для шифра, как бы невзначай, решили они со Смирновым использовать невинную книгу сказок «Тысяча и одна ночь».

Тысячу и одно ухищрение применяли Троцкий и его агенты при связях с Гестапо и во всей своей шпионской и террористической работе. А что посланцы Троцкого в СССР были агентами Гестапо, это с потрясающей ясностью обнаруживается при их допросах на суде. Ольберг, Берман-Юрин, Натан Лурье и Моисей Лурье, Фриц Давид — все они, пойманные с поличным, рассказывают суду — одни с большей откровенностью, другие с меньшей—о тысяче и одной ночи своей шпионской работы у Троцкого и Гестапо. Они — давние троцкисты и охранники *одновременно — не видят в этом сочетании* ничего странного. Ольберг даже удивляется, когда его спрашивает тов. Вышинский: знал ли он, что человек, который в Германии добывал для него паспорт для поездки в СССР,—агент берлинской охранки.

Ольберг пожимает плечами. Почему его расспрашивают о такой для троцкиста само собой разумеющейся вещи! Ведь было,—говорит он,—соглашение, связь германских троцкистов с полицией, с фашистами, и связь эта установлена была с ведома, согласия и одобрения Троцкого. И его, лично Ольберга, связь с фашистской охранкой была организована с санкции Троцкого.

— Значит,—спрашивает тов. Вышинский у Ольберга,—можно сказать, что вы сами признаете связь с Гестапо?

Ольберг вскидывает голову и произносит отчетливо: я этого не отрицаю. Поблескивая очками, озирается по сторонам этот шпик, трижды по поручению Иудушки-Троцкого приезжавший в СССР для подготовки убийства товарища Сталина. Кипучей была террористическая и шпионская деятельность Ольберга. С подложными паспортами, сфабрикованными Гестапо, раз'езжал он по СССР—устанавливал связи с троцкистами, организовывал террористические и шпионские группы, выучивал террористов-стрелков и бомбометателей, словом, делал все, чего требовали от него хозяева — Троцкий и Гестапо, деятельность которых так тесно и неразрывно переплелась.

«Засыпавшись», провалившись, он, Ольберг, как шпион, не чувствует себя одиноким на скамье подсудимых. Рядом сидят подобные ему, ничем от него не отличающиеся *троцкистско-фашистские шпионы.* Хотя бы, например, Лурье—и первый и второй. Знал ли троцкист Натан Лурье, что Франц Вайц — его союзник по белогвардейскому террору—охранник из Гестапо? Знал,—отвечает он. И убежденно добавляет, что союз с Гестапо органически входит в программу деятельности троцкистов.

Когда в первый вечер процесса Рейнгольд показал суду, что у об'единенного троцкистско-зиновьевского центра была установка, в случае захвата ими власти, уничтожить своих собственных агентов-террористов, чтобы замести следы,—гадина Каменев попытался отшутиться ироническим замечанием: мол-де, Рейнгольд начитался дурных приключенческих романов и его показания — только плод воображения. Неопровержимые факты, которые третьего дня и вчера сообщали суду шпионы Троцкого и Гестапо о своей деятельности и установках, превосходят, *однако,* все, что можно почерпнуть не только в приключенческих романах, но и во всей истории и литературе провокаций и шпионажа.

Отталкивающа даже внешность и манера речи Моисея Лурье. Вороватые глазки, крикливый голос, суетливые движения пойманного шпика. Шпион Моисей Лурье был руководителем своего однофамильца Натана Лурье. И когда тот один только раз все же усомнился в правильности связи с прямым фашистом Францем Вайцем, он обратился за справкой к Эмелю (М. Лурье). А тот, как он показывает суду, — в свою очередь «запросил соответствующие организации» и по их распоряжению дал приказ своему подчиненному террористу: не смущаться связью с Гестапо, продолжать террористическую и шпионскую работу.

И работа продолжалась. Когда провалились попытки Лурье действовать револьвером, когда сорвались у Лурье попытки террористических актов против товарища Сталина в Москве, против товарища Орджоникидзе в Челябинске, они — Лурье — пошли дальше: стали готовить бомбы. Верные псы Троцкого и Гестапо, они прошли длинный путь — тысячу и одну ночь злодейского террора и изощренного шпионажа.

Троцкий и Гестапо не рассчитывали на одного своего агента или на какую-либо одну группу. Следом за Лурье или одновременно с ними Троцкий перебрасывает в СССР Фрица Давида и Берман-Юрина со все той же основной целью: убить вождя коммунизма, вдохновителя побед социализма — товарища Сталина. И опять: полной шпионской конспирацией окружена деятельность Фрица Давида.

Вот он стоит перед судом, пойманный убийца и шпион по специальности, грязно-рыжая ехидная крыса по виду. Как крыса, пробирался он всюду, где рассчитывал увидеть и убить товарища Сталина. В любую щель пролезал Фриц Давид и пытался втащить с собой Берман-Юрина, чтобы выполнить подлейший приказ фашиста Троцкого.

Бдительность партии, советской власти, славных чекистов помешала троцкисту-убийце совершить свое подлое дело. Но он не отказался от мысли своей, продолжал лелеять неизмеримо подлую мечту свою до самого дня ареста. И говорит об этом сейчас суду спокойно, без тени раскаяния или смущения. Да и мыслимо ли смущаться ему, Фрицу Давиду, который два года назад, ощупывая одной рукой в кармане полученный от Гестапо револьвер для убийства товарища Сталина, — другой рукой писал статью «Как работает тайная полиция Германии». В этой статье Фриц Давид с большим знанием дела писал о системе провокации и убийств, применяемой фашистской охранкой, о широкой сети агентуры Гестапо.

Поистине только тесное сплетение фашистской охранки с Иудушкой-Троцким могло породить таких чудовищ, как Фриц Давид, Берман-Юрин, Лурье, Ольберг и вся *их компания.*

Книга об их тысяче и одной ночи, если бы она была написана, стала бы памятником неслыханной в истории, конденсированной подлости и вероломства, перешедшего все мыслимые границы. В этих качествах убийцам и шпионам, переброшенным Троцким и Гестапо, не уступали жившие в СССР Каменев, Зиновьев, Смирнов и другие. Наоборот. Они подбадривали молодых шпиков не только словом, а и примером своим. Вчера, при допросе Тер-Ваганяна, он мимоходом сообщил одну жуткую «деталь» лживопокаянных речей Зиновьева и Каменева на XVII с'езде партии. Известно, с каким актерски-наигранным жаром говорил тогда Каменев о своем желании сбросить с себя старую шкуру, шкуру контрреволюционера. И когда его соратники по террору, знавшие, что эта речь Каменева—лишь маскировка, похвалили его за мастерски сыгранное покаяние, он ответил: моя речь—это что! Вот речь Зиновьева—она почище моей, со *слезой сделана...*

В этих и подобных шагах Зиновьева, Каменева, достигших вместе с главарем их шайки Троцким поистине монбланов цинизма и подлости, — в этом черпали поддержку себе, на этом учились все убийцы—агенты троцкистско-зиновьевской банды. С этим «моральным багажом», беспрерывно пополняя его богатым опытом повседневной провокации и шпионажа, шли они против нашего великого народа, против великой нашей родины, против любимых десятками миллионов трудящихся вождей коммунизма. Они хотели убить Сталина, чтобы убить социализм. Живыми трупами предстают все троцкистско-зиновьевские убийцы и провокаторы перед советским судом и перед советским народом. Живыми трупами, проделавшими чудовищный путь тысячи и одной мерзости и разложения до конца.

Л. РОВИНСКИЙ.

На партийном собрании в ОГИЗ'е

В ОГИЗ'е третий день идет партийное собрание, посвященное обсуждению письма МК партийным организациям. В связи с тем, что на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра некоторые обвиняемые (Каменев, Зиновьев и Рейнгольд) указывали на причастность лидеров бывшей правой оппозиции к преступной деятельности троцкистско-зиновьевской террористической банды, на партийном собрании выступил с заявлением Томский.

Томский признал, что он скрыл от партии о своих встречах и контрреволюционных переговорах в 1929 году с Каменевым о создании совместного блока. Томский признал также, что на следующий день после встречи с Каменевым он поставил в известность Бухарина и Рыкова об *этих переговорах.* Далее *Томский сообщил* собранию, что во время одной встречи с Каменевым в 1932 году он, Томский, жаловался на «плохое отношение» к себе партии. Он говорил Каменеву: «Меня бьют, обижают». После этих встреч Каменев не раз захаживал к Томскому в ОГИЗ, и они беседовали «обо всем и ни о чем».

Эти отношения между Томским и Каменевым постепенно усиливались. Томский начал оказывать Каменеву всякие личные услуги. Неоднократно Томского посещал и Зиновьев, которому Томский также жаловался на *«плохое отношение»* к нему со стороны партии. Томский заявил, что Зиновьев несколько раз приглашал его к себе на дачу. Томский признал, что Каменев в одной из бесед с ним в 1932 году спрашивал его, знает ли он, что по рукам ходит какой-то документ правых. Томский якобы пожал плечами и заявил, что он ничего об этом не знает.

В том же 1932 году к Томскому явился некто Жиров, который передал ему привет от активного участника бывшей правой *оппозиции Слепкова с просьбой о встрече* и переписке.

Под нажимом участников собрания Томский вынужден рассказать и о других встречах с антипартийными элементами. Так, Шляпников, вернувшись из ссылки, сразу явился к Томскому в ОГИЗ. На квартиру Томского приходил и Угланов. Томский встречался также с исключенным из партии А. П. Смирновым, выслушивал его антисоветские высказывания и не давал ему никакого отпора. Томский признает, что все эти люди ходили «прощупывать мое настроение».

Все это Томский скрыл от партии.

На собрании вскрывается подлое двурушничество Томского. Как известно, в 1929 г. он вместе с другими лидерами правой оппозиции целиком и полностью признавал линию партии правильной. Сейчас же он заявляет, что в действительности он признавал линию партии лишь в основном.

Томский на собрании старался всячески преуменьшить свою роль в переговорах с Каменевым, Зиновьевым и другими участниками контрреволюционной террористической банды. Однако для собрания стало совершенно ясным предательское поведение Томского. Можно не сомневаться, что Томский и сейчас скрывает о своих связях с участниками блока.

М. КУЗНЕЦОВ.

ПРОЦЕСС ТЕРРОРИСТОВ И ФАШИСТСКАЯ ПЕЧАТЬ

Как говорят телефонные сообщения из Берлина, о вечернем заседании 20 августа, *на котором давали показания подсудимые* Ольберг и Берман-Юрин, все берлинские утренние газеты 21 августа помещают лишь поразительно краткое сообщение Германского информационного бюро. Оно заканчивается следующей фразой: «К показаниям Ольберга и Бермана следует относиться с величайшей осторожностью».

Повидимому, фашистские охранники застигнуты врасплох фактами, вскрытыми на процессе. Им нечего сказать. Попавшись с поличным, они лишь растерянно призывают к «осторожности».

Вечернее издание «Берлинер тагеблатт» от 21 августа помещает передовую статью небезызвестного Пауля Шефера. В статье также заявляется: «Нельзя верить ни одному слову из «сказок о разбойниках», приводимых на процессе». Шефер не пытается опровергать факты о связях Гестапо с троцкистскими террористами. Он только *призывает: нельзя, мол, этому верить.* Но ведь факты — упрямая вещь: они остаются.

Впрочем, Шефер пытается дать чрезвычайно «глубокомысленное» политическое об'яснение процесса. Московский процесс, пишет он в заключительной части своей статьи, является «составной частью советского мобилизационного плана».

Г-н Пауль Шефер — весьма осведомленный человек. За время своей «журналистской» работы в разных странах он всегда отличался тесной связью с германской разведкой. Быть может господин Шефер заодно сообщит: какой составной частью берлинского мобилизационного плана предусматривалось убийство товарищей Сталина и Ворошилова, порученное (как показывал обвиняемый М. Лурье) боевой группе троцкистов-террористов, организованной Францем Вайцем, членом национал-социалистской партии и доверенным лицом господина Гимлера?

Б. М.

Все мощнее звучит гневный голос народа:

—ВЕЧНОЕ ПРОКЛЯТЬЕ ГЛАВНОМУ ОРГАНИЗАТОРУ ФАШИСТСКОЙ БАНДЫ— ИУДЕ-ТРОЦКОМУ! СМЕРТЬ ЗИНОВЬЕВУ, КАМЕНЕВУ И ИХ ПОДЛОЙ СВОРЕ!

СОЮЗНИКИ ФАШИЗМА

КИЕВ, 21 августа. (Корр. «Правды»). Трудящиеся украинской столицы с напряженным вниманием следят за процессом троцкистско-зиновьевской банды. Волна гнева и ненависти к этим фашистским наймитам нарастает с каждым днем. Признания сидящих на скамье подсудимых вызывают еще большее негодование.

На площадке строящегося в Киеве гиганта тонкосуконного комбината собрались каменщики, штукатуры, плотники, инженеры и техники. Идет коллективное слушание судебного отчета.

— Нам теперь стало абсолютно ясно, какие задачи ставили перед собой эти контрреволюционеры, — заявил стахановец-каменщик тов. Кособукин. — Недаром они сошлись с германским фашизмом!

Другой рабочий-строитель — тов. Шелкунов так оценивает подлую работу троцкистско-зиновьевского блока.

— Международный фашизм нашел для своих целей неплохих союзников в лице Троцкого, Зиновьева, Каменева и их своры.

— Мы не можем больше терпеть этой сволочи, — заявляет коллектив строителей, — требуем от суда расстрела террористов.

Уже несколько дней не утихает гнев коллектива завода имени Чубаря.

После работы заводской двор заполняется рабочими, чтобы послушать информацию о процессе.

— Никакой пощады банде, вырвавшей у нас пламенного революционера, лучшего соратника великого Сталина—Сергея Мироновича Кирова, готовившей покушение на вождя народа товарища Сталина. Никакой пощады, как бы они ни прикидывались.

Сталин—наша жизнь!

МИНСК, 21 августа. (Корр. «Правды»). Фабричный двор минской краснознаменной швейной фабрики «Октябрь» запружен. На митинг собрались две тысячи рабочих, работниц, специалистов и служащих. Их речи дышат безмерным гневом и ненавистью к троцкистско-зиновьевской банде.

На трибуну поднялась пожилая работница Гуринович:

— Называть их людьми нельзя. Это значит позорить человечество. Это прогнившие отбросы, ничего общего со званием человека не имеющие. Они убили нашего дорогого Кирова. Они хотели отнять у нас нашу жизнь — нашего Сталина. Они готовились отнять у нашего народа то, что мы добыли кровью, — нашу светлую родину. Сколько существует мир, еще не было такого злодеяния. Я спрашиваю: какую кару они заслужили? Презирать мало. Ненавидеть мало. Надо с корнем вырвать их поганое жало, которое было направлено в сердце 170 миллионов людей.

Работница Сахарова громким, гневным голосом обратилась на митинге к своим товарищам:

— Почему подлецам захотелось отнять у нас Сталина, лишить наших детей радостной жизни? Эти продажные агенты германского фашизма желали продать нас, наших детей, нашу родину озверелому фашизму. Эти выродки думали нажиться на крови народной!

Троцкий убил нашего Кирова

КАЛИНИН, 21 августа (Корр. «Правды»). На швейной фабрике им. Володарского в обеденный перерыв состоялись митинги. 5 тысяч швейниц на сменных собраниях приняли резолюцию-обращение к Верховному суду, к руководителям партии и правительства. В резолюции швейницы требуют расстрела врагов народа.

Гнев звучит в словах рабочих. Ненависть кипит к тем, кто организовал гнусное убийство пламенного трибуна С. М. Кирова, кто покушался на великого вождя трудящихся всего мира товарища Сталина. Эти чувства отражены в словах работниц Суриной и Лошкаревой, которые потребовали расстрела убийц.

На электростанции, на ткацкой фабрике «Пролетарка», на фабрике им. Ворошилова, в депо станции Калинин, на вагонном заводе,—везде прошли митинги.

С ненавистью, омерзением и брезгливостью произносились имена Троцкого, Зиновьева, Каменева и их приспешников. На ткацкой фабрике выступила крутильщица Елизавета Лютова и заявила:

— Троцкий — организатор убийства нашего любимого Кирова. Это он давал директивы о покушении на Сталина и вождей нашей партии.

С горячим приветствием органам НКВД выступила работница Семенова.

Единодушно мнение трудящихся Калинина, как и всего Советского Союза — банду троцкистско-зиновьевских террористов надо уничтожить.

ОТВЕТ КОЛХОЗНИКОВ НА ЗЛОДЕЯНИЯ ВРАГОВ

УФА, 21 августа. (Корр. «Правды»). В колхозе Первый Бузовьяз, Бузовьязовского района, состоялось многолюдное общее собрание колхозников. На собрание пришло свыше тысячи человек. Колхозники и колхозницы требуют расстрела презренных изменников родины.

В ответ на бандитские вылазки врагов народа колхозники призывают еще теснее сплотиться вокруг товарища Сталина и коммунистической партии.

— Через кружки ворошиловских стрелков, а также ворошиловских кавалеристов, — заявляет собрание в своем решении, — нужно подготовить лучших бойцов против врагов народа, которые осмелятся напасть на нашу родину.

Колхозники — донские казаки, участники предстоящего в Ростове-на-Дону конноспортивного праздника, обсуждают сообщение о террористической деятельности троцкистско-зиновьевской банды. Читает обвинительное заключение политрук сотни тов. Кучма.

Фото Н. Кайля.

РАССТРЕЛЯТЬ ВРАГОВ НАРОДА!

ЛЕНИНГРАД, 21 августа. (Корр. «Правды»). На Ленинградском гиганте — Кировском заводе на цеховые митинги пришли поголовно все рабочие дневной смены. Перед зданием турбинного цеха на площадке, окруженной зеленым газоном, собралось свыше 300 человек. Начинается читка обвинительного заключения и судебного отчета.

Около двух часов читали обвинительное заключение. Когда читчик закончил последний раздел, среди присутствующих воцарилась глубокая тишина. С места поднялся старый путиловский рабочий товарищ Михайлов и заявил:

— Разрешите слово.

Михайлов вышел к столу. Его глаза горели ненавистью, он крепко сжал кулаки.

— Банда Троцкого, Зиновьева и Каменева,—заявил он,—целилась в наших дорогих вождей, в нашего вождя и учителя Сталина. Могу сказать коротко—повернем дуло револьвера в фашистских бандитов, уничтожим всех, кто стоит на нашем пути.

Небольшая пауза. Тишина. С места поднимается работница Ильчицкая и гневным голосом заявляет:

— Говорить я не умею, но мое мнение, мнение от всей души: фашистских бандитов надо уничтожить, расстрелять всех до единого! А народу нашему надо зорко беречь своих дорогих вождей, своего любимого Сталина.

«Красный выборжец» — один из важнейших заводов Ленинграда. Не случайно именно сюда стремились пробраться злейшие враги рабочего класса — зиновьевцы и троцкисты. Здесь одно время окопались убийцы Сергея Мироновича Кирова, презренные выродки Толмазов и Румянцев. Здесь уже в самые последние дни были выявлены зиновьевские последыши и чужаки Кон, Бибишев, Бакш и другие.

Внимательно слушали красновыборжцы обвинительное заключение. Каждое его слово напоминало им о двурушничестве и маскировке злобного врага.

По окончании читки первым взял слово слесарь Бабушкин.

— Таким змеям нет места на советской земле, — сказал он. — Подлых предателей и убийц надо уничтожать.

ПРЕЗРЕННАЯ БАНДА

САРАТОВ, 21 августа. (По телеграфу). В Саратове на заводах, в колхозах, в воинских частях, в тракторных бригадах проходят многочисленные митинги.

Презреньем и глубочайшей ненавистью к подлой банде троцкистско-зиновьевских убийц, восторженной любовью к вождю народов великому Сталину и партии проникнуты выступления и решения рабочих, колхозников, красноармейцев края.

На митинге в кузнечно-прессовом цехе завода комбайнов рабочий Васильев от имени тысячного коллектива цеха заявил:

— За жизнь Сергея Мироновича Кирова контрреволюционеры должны поплатиться своей жизнью.

— Сталин — это святое имя для миллионов трудящихся земного шара. Посягавшая на него контрреволюционная свора посягала на самое дорогое для нас. Каждый из нас, как и каждый трудящийся всей земли, если надо, кровью защитит товарища Сталина.

— Отвратительные наймиты хотели убить человека, борющегося за счастье всего человечества, — пишет майор А. Скороход, награжденный двумя орденами Красного Знамени.—Они не рассчитали, что дыхание Сталина—дыхание всего народа, его не прекратишь.

Нас, готовых каплю за каплей отдать свою кровь за жизнь великого Сталина,—миллионы.

Касперский.

Убийцам—высшую меру наказания!

ТАШКЕНТ, 21 августа. (Корр. «Правды»). На заводах, на предприятиях, в колхозах Узбекистана проходят собрания, митинги. Трудящиеся полны гнева, ненависти к врагам народа — к троцкистам-зиновьевцам. В выступлениях, резолюциях, всюду люди требуют беспощадной расправы над контрреволюционерами.

— В ответ на подлый заговор врагов еще крепче сплотимся вокруг нашей великой партии, любимого вождя народов Сталина! Поведем еще более энергичную борьбу за укрепление сознательной трудовой дисциплины на нашем заводе, — заявляют в резолюции рабочие завода им. Кагановича.

Голос ученых Москвы

С чувством величайшего гнева и отвращения к гнусным фашистским убийцам встретили ученые столицы первые сообщения о подробностях чудовищного заговора троцкистско-зиновьевской банды против вождей партии и правительства. Каждая строка обвинительного заключения волновала до боли. «Один из самых страшных документов нашей эпохи», — так охарактеризовал показания подсудимых инженер Кривоуров на собрании коллектива сотрудников Физико-химического института им. Карпова.

В зале института, заставленном техническими приборами, собрались научные работники института. Слово берет академик А. Н. Бах:

— Власти, только власти хотела эта кучка презренных убийц из-за угла, рассчитывая скрыть от народа свое участие в подготовлявшихся чудовищных преступлениях.

Бурными аплодисментами присутствующие покрывают заключительные теплые слова академика Баха о безграничной любви всего трудящегося человечества к великому и мудрому товарищу Сталину.

• • •

Многолюдные собрания научных работников состоялись в Ломоносовском, Почвенном, Петрографическом и других институтах геологической группы Академии наук СССР. С глубоким негодованием д-р с.-х. наук проф. И. Н. Антонов-Каратаев говорил о презренной шайке «генералов без войск», об оголтелых фашистских убийцах, прокрадывавшихся к сердцу нашего народа, нашей страны, мирового пролетариата.

• • •

В химической и биологической группах Академии наук, в просторных стенах новых огромных институтов, недавно выросших на месте прежних пустырей и свалок, шли такие же бурные, гневные собрания научных сил столицы.

О беспримерной подлости злодеев говорят ученые-профессора, ученые-специалисты, аспиранты.

Единодушно требование ученых: враг, пригвожденный к позорному столбу истории, должен быть уничтожен. (ТАСС).

НА СОБРАНИЯХ ПАРТАКТИВА МОСКВЫ, ЛЕНИНГРАДА, КИЕВА

19 августа во всех 23 районах Москвы прошли многолюдные собрания партийного актива. На собраниях обсуждались доклады секретарей райкомов о террористической деятельности контрреволюционной троцкистско-зиновьевской банды.

Речи всех выступавших были насыщены чувством беспредельной любви и беззаветной преданности товарищу Сталину, Центральному Комитету ВКП(б).

— За твою жизнь, за твои идеи, за твою верную линию каждый из нас будет драться до последней капли крови, — заявил на собрании актива Сокольнического района тов. Найшлос.

Все 23 собрания партийного актива гор. Москвы, выражая волю и мнение всех большевиков, рабочих, служащих, трудящихся, всех честных советских граждан, со всей решительностью требуют в своих резолюциях применения к заклятым врагам рабочего класса, презренным двурушникам-убийцам — Зиновьеву, Каменеву, Евдокимову, Бакаеву, Мрачковскому и др. — высшей меры — расстрела.

На собраниях приводились факты, свидетельствующие о том, что неоднократные предупреждения Центрального Комитета партии и товарища Сталина о повышении большевистской бдительности не усвоены еще членами партии до конца.

Резкой критике были подвергнуты серьезные ошибки, допущенные Коминтерновским райкомом, который не сумел разоблачить врагов партии, подлых двурушников, троцкистов-зиновьевцев — Шмелева и Аркуса и выдал им новые партбилеты.

С огромным под'емом были приняты на собраниях приветствия товарищу Сталину, его боевым соратникам тт. Молотову, Л. М. Кагановичу, Ворошилову, Орджоникидзе, Хрущеву и боевому руководителю НКВД—тов. Ягоде.

• • •

В работе районных собраний партийного актива Москвы приняли участие секретарь МК и МГК тов. Хрущев Н. С., секретари МГК ВКП(б) — тт. Кульков и Корытный.

• • •

ЛЕНИНГРАД, 21 августа. (Корр. «Правды»). В течение 2 дней — 20 и 21 августа—в Ленинграде происходили многолюдные районные собрания партийного актива, посвященные обсуждению контрреволюционной террористической деятельности троцкистско-зиновьевской банды. Партийный актив города Ленина продемонстрировал свою исключительную преданность сталинскому ЦК ВКП(б) и любимому вождю всех трудящихся товарищу Сталину.

С гневом и ненавистью говорил партийный актив о подлых злодеяниях Троцкого, Зиновьева, Каменева и всего их презренного отребья.

Партийный актив подверг резкой критике работу некоторых партийных организаций Ленинграда за их либеральную политику по отношению к заклятым врагам партии.

Яркий пример гнилого либерализма и отсутствия большевистской бдительности показывает Выборгский райком партии.

Это здесь орудовали фашистские агенты, проклятые, трижды презренные убийцы Сергея Мироновича Кирова — Котолынов, Румянцев, Антонов и другие. Эта мразь под носом у райкома готовила злодейское убийство.

На всех собраниях актива единогласно приняты резолюции, требующие уничтожения фашистских бандитов, усиления большевистской бдительности.

Собрания с огромным воодушевлением приняли приветствия горячо любимому вождю, учителю и другу — товарищу Сталину и своему верному руководителю тов. Жданову.

• • •

КИЕВ, 21 августа. (Корр. «Правды»). Свыше 1.100 человек приняли участие в собрании областного и городского партийного актива киевской организации.

На собрании актива с большим докладом о контрреволюционной, террористической деятельности троцкистско-зиновьевских групп выступил секретарь ЦК КП(б)У тов. П. П. Постышев, встреченный бурными, продолжительными аплодисментами.

В своих выступлениях члены партийной организации завода «Большевик» разоблачили двурушничество директора завода Вертмана, занимавшегося прямым пособничеством заклятым врагам партии и советской власти — контрреволюционным троцкистам. Он продвигал троцкистов — Чернова (заместитель начальника сталелитейного цеха), Шмарьяна (начальника кислото-упорного цеха) на руководящую хозяйственную работу. По его рекомендации Чернов был также выделен пропагандистом и ему была доверена партийная школа. Собрание превратилось в мощную демонстрацию безграничной преданности большевиков Киевщины партии Ленина—Сталина и ее ЦК, любимому вождю товарищу Сталину.

Письмо из Италии

В Италии лихорадочно следят за развитием гражданской войны в Испании. Правящие круги не скрывают своего беспокойства за исход событий, разыгрывающихся сравнительно недалеко от Италии. Этот интерес базируется отнюдь не только на том, что победа или поражение народного фронта в Испании окажут серьезное влияние на международное положение Италии. Дело, главным образом, в том, что исход гражданской войны, поднятой мятежными испанскими генералами, не может остаться без глубочайшего влияния на внутренний режим Италии.

Победа народного фронта во Франции и последовавшая за этой победой волна стачек, исход которых значительно улучшил положение рабочего класса Франции, оказали большое влияние на настроения итальянских масс. Помимо тех внешнеполитических последствий, которые имел для Италии приход к власти правительства Блюма, самый факт победы народного фронта на французских выборах явился и является для итальянского фашизма бельмом в глазу.

Гораздо большую роль, нежели французские события, в глазах итальянского фашизма играют события в Испании. Эти события с самого начала изображаются итальянской печатью как «законное возмущение» наиболее здоровой части испанского народа (то-есть фашистов, монархистов и клерикалов) против «красных». Это «возмущение» должно было привести к скорому победному концу. Между тем события начали развиваться совсем не по тому плану, который был преподнесен итальянской печатью. Народный фронт в Испании оказался в состоянии не только притти к власти в результате «парламентской системы выборов», но и с оружием в руках удерживать власть и громить контрреволюцию.

Сообщая об «ужасах красного террора» в Испании, о том, что народные массы взялись за оружие, что монастырские и помещичьи земли захватываются крестьянами, что рабочие с оружием в руках защищают свои свободы,—итальянская печать, сама того не замечая, показывает итальянскому рабочему и крестьянину, как можно бороться против фашизма.

Если эта информация уже действует электризующим образом на сознание широких масс трудящихся в Италии, каково же будет воздействие фактов в случае окончательной победы испанского народа в борьбе за свою свободу? Именно этого воздействия, как огня, боится итальянский фашизм. Этими внутриполитическими соображениями об'ясняется также та лихорадочная активность, с которой Италия изо дня в день оказывает реальную помощь испанским мятежникам.

• • •

Воздействие испанских событий на итальянских трудящихся во много раз усугубляется тем тяжелым положением, в котором очутились итальянские народные массы в результате войны с Абиссинией.

Агитация, широким потоком изливавшаяся во время абиссинской войны со страниц итальянской печати, имела своей целью убедить итальянский народ, что захват Абиссинии даст ему все то, чего не мог дать до сих пор фашистский режим. Абиссиния, по утверждениям правящих групп и печати, должна была дать Италии недостающее ей сырье. Абиссиния должна была принять и поглотить миллионы крестьянских и рабочих рук, остающихся систематически без работы на родине. Где же это сырье и колонизационные возможности? Сырья из Абиссинии никто не видел. В последнее время со столбцов итальянской печати даже исчезли всякие сведения о предполагаемых сырьевых богатствах Абиссинии. Колонизировать страну, находящуюся еще в состоянии военного брожения и завоеванную не больше чем наполовину, оказывается, не так легко. Кроме того, для сколько-нибудь серьезной колонизации необходимы огромные капиталы. У Италии их нет. Все попытки получить займы за границей до сих пор не увенчались даже минимальным успехом. Заграничные банки не хотят итти на риск помещения капиталов без солидных гарантий, которых Италия предоставить не может.

В результате войны катастрофически уменьшился золотой и валютный запас страны, а торговый баланс дает небывалый за все последние годы дефицит. Несмотря на отмену санкций и формальное возобновление экономических связей со всем миром, экономическое положение Италии не проявляет признаков улучшения. Во время начавшихся торговых переговоров с рядом стран обнаружилось, что Италия не в состоянии платить долги, образовавшиеся в течение периода санкций. В результате ряд стран прервал торговые переговоры с Италией.

Со времени начала войны, вследствие колоссальной инфляции и вынужденного ограничения импорта, цены поднялись примерно на 30 проц. Между тем за все это время заработная плата оставалась на прежнем уровне. Квалифицированный рабочий-металлист получает сейчас в Италии зарплату, которой еле хватает на оплату квартиры и покупку одного лишь хлеба. Недовольство рабочего класса за последнее время приняло настолько большие размеры, что в ряде отраслей промышленности рабочие перешли к пассивному сопротивлению, выразившемуся в отказе принимать зарплату.

Это вынудило правительство пойти на 10-процентное повышение заработной платы. Сначала была сделана попытка повысить зарплату только в некоторых отраслях промышленности, но стихийный напор снизу сделал это ограничение невозможным. В настоящий момент почти по всей линии проводится 10-процентное повышение зарплаты. Однако эти 10 процентов выдерживаются далеко не полностью: так, например, в ряде отраслей промышленности на 10 проц. повышается зарплата только наиболее низко оплачиваемых категорий рабочих, а для других категорий зарплата повышается лишь на 8 и 7 проц.; при этом вносится ряд оговорок относительно сроков повышения зарплаты и т. д.

Эта подачка, брошенная рабочему классу, при одновременном повышении всех цен на 30 проц., естественно, не может никого удовлетворить. С другой стороны, 10-процентное увеличение фонда заработной платы при опустошении золотого и валютного запаса страны повлечет за собой новую инфляцию, а, следовательно, и новое повышение цен.

Недовольство рабочего класса, глухое брожение в массах прекрасно учитывают правящие круги. Не случайно Муссолини предпринял в последние две недели об'езд ряда промышленных районов страны. Этот об'езд проходит под демагогическим лозунгом «единения дуче (титул Муссолини) с народом» и сопровождается показными «манифестациями».

В декабре 1935 г., когда положение Италии в связи с войной было особенно трудным, Муссолини принял многочисленную крестьянскую делегацию, специально отобранную в ряде районов Италии. Этой делегации глава правительства сказал много хороших слов. Итальянские крестьяне услышали из уст Муссолини, что крестьянство является «основным классом в государстве», что для крестьянства будет сделано все необходимое в смысле повышения его жизненного уровня и удовлетворения его насущных интересов и т. п.

Со времени этих заявлений прошло 8 месяцев. За этот период крестьяне получили постановление о принудительной реквизиции всей шерсти, которая будет получена от стрижки овец в этом году. Итальянские крестьяне получили также декрет, вводящий фактическую реквизицию всех излишков производимого в Италии хлеба по твердым ценам. Это все, что было дано «основному классу в государстве».

Понятной становится тревога правящих кругов, отдающих себе отчет в том, что «пропаганда фактами» о борьбе в Испании представляет собой большую опасность для судеб фашистского режима в Италии.

Л. МАНИ.

Милан. Август 1936 г.

О ЗАМЕТКЕ «БАКИНСКИЙ РАБОЧИЙ» ПОКРЫВАЕТ ТРОЦКИСТОВ», ПОМЕЩЕННОЙ В «ПРАВДЕ» 16 АВГУСТА

(ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БЮРО ЦК КП(б) АЗЕРБАЙДЖАНА)

Бюро ЦК АКП(б) считает совершенно правильной и своевременной острую и резкую критику «Правдой» грубых политических ошибок газеты «Бакинский рабочий», проявившей гнилой либерализм и по существу, как это правильно указывает «Правда», допустившей покрывательство троцкистов. Бюро отмечает, что ослабление борьбы с осколками троцкистско-зиновьевской контрреволюции на страницах газеты «Бакинский рабочий» за последние месяцы является результатом притупления большевистской бдительности редактора газеты Белого, бывшего заместителя редактора Кадышева и секретаря парткома Охрименко, не только не сумевших организовать разоблачение контрреволюционных двурушников, но и не напечатавших в газете ряд поступивших в редакцию заметок о гнусных происках троцкистов на отдельных предприятиях Баку.

Редактор газеты Белый и его заместитель Кадышев не сделали по существу никаких выводов из партийных собраний, прошедших при огромной активности коммунистов бакинской организации, вскрывших целый ряд фактов потери бдительности, гнилого либерализма. Они не сделали выводов из контрреволюционной работы двурушников, троцкистов, зиновьевцев, не организовали освещения этих фактов, не сумели на этой основе организовать на страницах газеты дальнейшее разоблачение последышей троцкистской контрреволюции. Потерей большевистской бдительности об'ясняется также и тот факт, что в течение продолжительного времени ответственным секретарем редакции работал Ахманов, скрывший от партии свое пребывание в троцкистской оппозиции.

Бюро ЦК АКП(б) отмечает, что первичная парторганизация редакции газеты «Бакинский рабочий» при обсуждении 31 июля 1936 года дела Ахманова также не сумела вскрыть факты потери бдительности в редакции «Бакинского рабочего», проявила гнилой либерализм по отношению к Ахманову, ограничившись вынесением ему строгого выговора. Факты, отмеченные «Правдой», вместе с тем вскрыли совершенно недостаточное развертывание большевистской самокритики в работе газеты.

Бюро ЦК АКП(б) отмечает, что слабое развертывание большевистской самокритики на страницах газеты является одной из основных причин допущенных в газете грубых политических ошибок.

Бюро ЦК АКП(б) считает, что грубые политические ошибки, допущенные «Бакинским рабочим», являются также результатом недостаточного руководства газетой со стороны ЦК АКП(б). Бюро ЦК АКП(б) постановляет: 1) За потерю большевистской бдительности снять с работы редактора газеты Белого и об'явить ему строгий выговор с последним предупреждением — с посылкой на низовую работу. 2) Поставить перед редакцией «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» вопрос о снятии с работы заведующего бакинским отделением «Известий», бывшего заместителя редактора «Бакинского рабочего» Кадышева за притупление бдительности. Вопрос о партийности Кадышева обсудить по возвращении его в Баку. 3) За притупление большевистской бдительности, за провал партийной работы в редакции снять с работы секретаря парткома и с работы в редакции Охрименко. Вопрос о его партийности обсудить по возвращении в Баку. 4) За гнилой либерализм к исключенным из партии троцкистам снять с работы заведующего отделом жалоб Попова, просить тов. Синайского и партколлегию КПК в пятидневный срок закончить расследование дела Попова и внести свои предложения на бюро ЦК АКП(б). 5) Указать Ворошиловскому РК АКП(б) на слабое руководство парторганизацией газеты «Бакинский рабочий», принять к сведению заявление секретаря Ворошиловского РК АКП(б) т. Окинишевича о том, что Ахманов партбилета нового образца не получил и решением бюро Ворошиловского райкома исключен из партии.

Передано из Баку по телеграфу.

Военно-фашистский мятеж в Испании

Бои на подступах к Кордове и Гренаде

(По телеграфу от специального корреспондента «Правды»).

МАДРИД, 20 августа. Колонна правительственных войск захватила на подступах к Кордове 4 орудия, пулеметы, винтовки, 11 грузовиков и саперное снаряжение. Наступление правительственных частей на Кордову продолжается.

По данным республиканской разведки, среди осажденных в Кордове фашистских мятежников отмечается деморализация.

Такое же положение в Гренаде. Правительственные войска с боем подошли к Гренаде на расстояние 5 километров.

Как уже сообщалось, мятежный крейсер «Альмиранте Сервера» получил серьезные повреждения при действиях против правительственных сил в Сан-Себастьяне. Дополнительно выясняется, что командование крейсером решило направить его в порт Хихон, предполагая, что последний еще находится в руках мятежников. Береговая артиллерия Хихона, занятого тем временем правительственными войсками, в свою очередь обстреляла мятежный крейсер.

В правительственных частях вызвали большой под'ем новые решения правительства об обеспечении семей республиканских бойцов и о выплате самим бойцам по 10 песет в день, помимо полного довольствия.

В целях мобилизации возможно большего количества оружия в Барселоне издан приказ об обязательной сдаче оружия всеми гражданами, не принадлежащими к милиционным частям. Не сдавшие оружия будут арестованы.

Мих. Кольцов.

ЛОНДОН, 21 августа. (ТАСС). По сообщению из Мадрида в Навальмораль де ла Мата, в 160 км к юго-западу от Мадрида (в провинции Касерес), правительственные войска вели ожесточенный бой с мятежниками. Мятежники оттеснены к Гвадалупе. В Алиа (провинция Касерес) правительственные войска заняли горный проход Сан-Висенте.

На севере страны правительственные войска окружают Уэску. Правительственная артиллерия бомбардировала казармы в Уэске. Передовые части республиканских войск находятся в 4 километрах от города.

Гибралтарский корреспондент «Таймс» сообщает, что мятежники заняли Лоха (в провинции Гренада).

РИМ, 21 августа. (ТАСС). Касаясь положения районов Испании, захваченных фашистскими мятежниками, специальный корреспондент «Гадзетта дель пополо» указывает:

«Севилья находится в полной изоляции, даже телеграфная связь не функционирует. Газеты не выходят, печатаются лишь краткие сводки командования. Всем лицам, имеющим радиоприемники, запрещено под угрозой репрессий принимать иностранные станции».

Итальянская газета намекает на то, что между генералом Кейпо де Льяно, хозяйничающим в Севилье, и генералом Франко возникли серьезные раздоры. «Гадзетта дель пополо» явно берет под свою защиту Франко, заявляя, что остальные мятежные генералы «слишком озабочены своими личными интересами».

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ОСТРОВЕ МАЙОРКА

ЛОНДОН, 21 августа. (ТАСС). По официальному сообщению испанского правительства, республиканские войска высадили второй десант на острове Майорка и продвинулись там на некоторое расстояние. По сообщению барселонского корреспондента «Таймс», правительственные войска на острове Майорка занимают теперь фронт протяжением в 96 км. Новые части, высаженные на острове, состоят из 2 регулярных пехотных батальонов и одной пулеметной роты.

Правительственный эсминец «Альмиранте Миранда» бомбардировал и уничтожил колонну мятежников на острове Майорка в составе 30 грузовиков.

ВЕРБОВКА В РЕСПУБЛИКАНСКУЮ АРМИЮ

МАДРИД, 21 августа. (Спец. корр. ТАСС). Опубликован правительственный декрет об организации добровольческой республиканской армии. В декрете устанавливается система вербовки.

Минимальный срок службы — 6 месяцев. Этот срок может быть продлен правительством на все время, пока длится фашистский мятеж.

В другом декрете говорится о приеме в новую армию офицеров запаса, а также бывших унтер-офицеров. Все они принимаются в армию при условии рекомендации одним из членов партий или профсоюзных организаций, охватываемых народным фронтом.

Движение солидарности с испанским народом

ПАРИЖ, 21 августа. (ТАСС). Повсюду во Франции происходят многочисленные демонстрации в знак солидарности с испанским народом. Французская компартия организовала вчера вечером собрание в Сен-Дени (предместье Парижа), на котором выступил генеральный секретарь партии Морис Торез. Собрание приняло резолюцию, требующую, чтобы правительство прекратило торговую блокаду республиканской Испании. В Нарбонне (департамент Од) состоялась демонстрация, в которой приняли участие 3 тыс. человек, в Кадильяк (департамент Жиронды) — 2 тыс. человек, в Жуанвиле (департамент Верхней Марны) — 1 тысяча.

Многочисленные политические, профсоюзные, спортивные и научные организации требуют свободы торговли с законным правительством Испании. «Юманите» печатает воззвание, подписанное профессором Ланжевеном, Мальро, Блоком, Кюдене, Журденом, Анри Валлоном и другими. Воззвание приглашает друзей мира и свободы во Франции содействовать сбору денежных средств на покупку самолетов и вооружения для правительства Испании.

* * *

ПАРИЖ, 21 августа. (ТАСС). В Мадрид прибыла делегация французских муниципалитетов, возглавляемых партиями народного антифашистского фронта. Во главе делегации — коммунистический депутат Пижинье. Делегация беседовала со статс-секретарем министерства внутренних дел. Пижинье предложил создать во Франции центр, который принимал бы на воспитание сирот испанских республиканских бойцов. Статс-секретарь министерства горячо благодарил французскую делегацию за ее предложение.

ЛОНДОН, 21 августа. (ТАСС). В связи с сообщениями из Испании известный ученый Гэксли в обращении, опубликованном в «Дейли уоркер», призывает создать общий фронт борьбы против фашизма. По словам Гэксли, все демократические элементы в Англии должны забыть о своих разногласиях и об'единиться в одном демократическом народном фронте.

В Порт-Кенсингтоне (Лондон) по инициативе местной организации коммунистической партии лейбористская организация приняла предложение о созыве об'единенной конференции представителей коммунистической, лейбористской и либеральной партий для того, чтобы обсудить вопрос об организации кампании в защиту испанского народа. Местная организация лейбористской партии приняла резолюцию, в которой предлагает созвать всеанглийскую лейбористскую конференцию и пригласить участвовать в ней все рабочие организации.

Исполком Социалистической лиги (примыкающей к лейбористской партии) принял резолюцию, призывающую всех членов Социалистической лиги добиваться полной свободы действий в деле помощи испанским рабочим.

НЬЮ-ЙОРК, 21 августа. (ТАСС). Нью-йоркская окружная организация компартии внесла 8 тысяч долларов в профсоюзный комитет, который поставил своей задачей собрать 100 тысяч долларов в фонд помощи испанским рабочим.

Активность интервентов

(По телефону от лондонского корреспондента «Правды»)

ЛОНДОН, 21 августа. Корреспондент «Ньюс кроникл» в Танжере сообщает сегодня, как итальянская дипломатическая миссия, возглавляемая дипломатом Росси (который является одновременно членом международной комиссии по управлению интернациональной зоной Танжера), помогает испанским мятежникам по директивам из Рима.

По соглашению с представителями мятежного генерала Франко Росси назначил на все важные полицейские посты лиц итальянской национальности вместо прежних испанских чиновников, сохранивших верность своему правительству.

Агенты Франко теперь беспрепятственно орудуют в Танжере, взамен чего итальянские агенты получили еще более широкие возможности действий в Испанском Марокко. Один осведомленный наблюдатель, пишет корреспондент, заявил ему:

«Италия намерена утвердиться в Испанском Марокко. Тетуан стал базой для итальянских самолетов. Там находятся итальянские офицеры. Без всяких инцидентов Италия оказалась там, где хотела быть. Кто сможет ее удалить оттуда?»

Далее выясняется, что перед тем, как Франко покинул Марокко и отправился в Севилью, Росси побывал в Тетуане. Вернулся он оттуда с пресловутым «ультиматумом» генерала Франко об уводе испанских правительственных кораблей из Танжера. Очевидно, указывает корреспондент, Росси участвовал в выработке этого ультиматума. После этого, как известно, испанские правительственные военные корабли были вынуждены покинуть Танжер. А так как Танжер был ближайшей гаванью, опираясь на которую правительственные военные корабли мешали генералу Франко перебрасывать войска мятежников из Испанского Марокко на материк, то вынужденный уход правительственного флота из Танжера был большим облегчением для руководства мятежников. Зато итальянские военные корабли, находившиеся в Танжерском порту, смогли беспрепятственно (полиция, укомплектованная людьми Росси, смотрела на это сквозь пальцы) выгрузить для мятежников большое количество снаряжения, пулеметов, ручных гранат и т. д. Все это доставлялось в помещение итальянской миссии, а затем переотправлялось мятежникам. Например, в ночь с 8 на 9 августа итальянский транспорт выгрузил в Танжере 4 тонны военного снаряжения, пулеметы и снаряды; в ту же ночь все это было доставлено на 8 грузовиках в Сеуту.

* * *

Не меньший интерес представляет сообщение дипломатического корреспондента «Манчестер гардиен». Он пишет:

«Сотрудничество Германии и Италии с испанскими мятежниками продолжается. Германские и итальянские корабли, находящиеся в Средиземном море, поддерживают постоянную связь по радио с кораблями мятежников и их штабквартирами. Два военных корабля мятежников (один из них—броненосец «Эспанья») были снабжены углем с итальянских и германских кораблей.

Сомнительно,—продолжает корреспондент «Манчестер гардиен»,—может ли быть приостановлена помощь, оказываемая мятежникам Италией, если даже будет подписано международное соглашение о невмешательстве».

И. Ерухимович.

Германские угрозы

БЕРЛИН, 21 августа. (Соб. корр. «Правды»). В связи с инцидентом с германским пароходом «Камерун» командующий германской эскадрой отправил испанскому флоту телеграмму, в которой, между прочим, говорится:

«Я не намерен терпеть подобных насильственных актов. Я отдал приказ своим кораблям отвечать применением силы на всякий необоснованный насильственный акт ваших кораблей».

Германские газеты называют испанские военные корабли «пиратскими судами».

К. Гофман.

Выступления Бенеша

ПРАГА, 20 августа. (ТАСС). Президент Чехословакии Бенеш предпринял путешествие по Северной Чехии и посетил области, населенные немцами. Сегодня Бенеш прибыл в Либерец (Рейхенберг), где произнес на немецком языке речь, в которой подробно остановился на [illegible] к Чехословацкой Республике. Напомнив о вековом сожительстве обоих народов в Чехии, Бенеш заявил, что их общие позиции в настоящее время до того укреплены, что не может быть и речи о денационализации. Из этого вытекает необходимость лойяльного сотрудничества на основе равенства.

«По общепризнанному международному праву,—заявил Бенеш,—национальный вопрос всюду является внутриполитическим делом. Чехословакия твердо придерживается этого принципа и как суверенное государство не допустит вмешательства других государств в этот вопрос. Единственное вмешательство, которое Чехословакия допускает в этом вопросе, — это контроль Лиги наций».

Бенеш высказался против всякой пропаганды за автономию для судетских немцев или за федерализацию Чехословакии.

* * *

ПРАГА, 21 августа. (ТАСС). В городе Железный Брод Бенеш выступил со второй речью, посвященной главным образом внешнеполитическим проблемам. Указав, что международное положение сложно и полно опасностей, Бенеш заявил, что Чехословакия в своей внешней политике за все послевоенное время искала несколько прочных пунктов, на которые она могла бы опереться при любой обстановке в Европе. В качестве подобных опорных пунктов Бенеш назвал прежде всего Лигу наций, затем Малую Антанту и, наконец, сотрудничество с государствами, заинтересованными в сохранении нового положения и в окончательной консолидации Центральной Европы. С Францией это сотрудничество уже превращено, по словам Бенеша, в систему, а из англо-французского сотрудничества вытекают также отношения Чехословакии и с Англией. Равным образом из участия Чехословакии в Малой Антанте вытекает ее сотрудничество с Балканской Антантой.

Переходя к взаимоотношениям Чехословакии с Советским Союзом, Бенеш заявил:

«Наладить сотрудничество с Советским Союзом нам удалось в 1934—35 гг. Это является работой для сохранения мира как в Западной Европе, так и в Восточной Европе. Других целей это сотрудничество не имеет. Смешны высказывания о том, что мы являемся инструментом коммунистической политики в Европе».

По вопросу о взаимоотношениях с Германией Бенеш заявил:

«Затруднения между Чехословакией и Германией носили всегда общеевропейский характер, а именно — вытекали из взаимоотношений Германии с другими европейскими государствами. В виду общеевропейской [illegible] политики Чехословакии, [illegible] заинтересована в франко-германском соглашении. Взаимопонимание между Парижем и Берлином означало бы автоматически также [illegible] некоторых затруднений между Прагой и Берлином. Какая бы то ни была вражда между Германией и Чехословакией не является фатальной необходимостью, [illegible] сотрудничество между обоими государствами возможно и [illegible]».

Бенеш заявил, что европейская ориентация чехословацкой внешней политики ни в каком направлении не является препятствием к [illegible] урегулированию взаимоотношений с Германией.

«Предстоящее особое совещание локарнских держав,—продолжал Бенеш,—несомненно устранит те моменты, которые с общеевропейской точки зрения могли бы являться помехой, так что переговоры Чехословакии с Германией,—быть может, на основе заявления Гитлера от 21 мая 1935 года и речи, произнесенной им в [illegible] года, — явились бы логическим и естественным дополнением к локарнским переговорам, и наши взаимоотношения с нынешней Германией могли бы быть вновь урегулированы. Это не является основанием для каких-либо изменений в нашем сотрудничестве с другими европейскими государствами, с которыми мы сотрудничаем в деле сохранения мира».

* * *

ПРАГА, 21 августа. (ТАСС). Речь, произнесенную Бенешем в Либерец (Рейхенберг), чехословацкие газеты расценивают как ответ на агитацию Генлейна (руководитель немецких фашистов в Чехословакии) за границей, при чем подчеркивают, что слова Бенеша о недопущении вмешательства в дела германского меньшинства в Чехословакии направлены также и по адресу Германии.

Большое внимание газеты уделяют речи, произнесенной президентом Бенешем в городе Железный Брод, и в частности вопросу о взаимоотношениях с Германией. Близко стоящая к министерству иностранных дел газета «Лидове новины» пишет:

«Возможно, что слова Бенеша будут использованы охотниками за сенсациями, которые предсказывают новую ориентацию Чехословакии в ближайшее время. Президент не сказал, однако, ничего нового: он лишь конкретизировал старые, известные принципы чехословацкой внешней политики, при чем он подчеркнул, что ни в коем случае не может быть и речи о новой ориентации».

ОБМЕН РАТИФИКАЦИОННЫМИ ГРАМОТАМИ МЕЖДУ СССР И БЕЛЬГИЙСКО-ЛЮКСЕМБУРГСКИМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ СОЮЗОМ

21 августа с. г. Народный Комиссар по Иностранным Делам тов. М. М. Литвинов и Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр Бельгии в СССР г. Поль Ле Телье обменялись ратификационными грамотами Временного Торгового Соглашения, заключенного между Союзом ССР и Бельгийско-Люксембургским Экономическим Союзом 5 сентября 1935 года. (ТАСС).

ПОЛОЖЕНИЕ В ЮЖНОМ КИТАЕ

ШАНХАЙ, 20 августа. (ТАСС). Корреспондент агентства Рейтер сообщает из Кантона, что в Гуанси создано правительство, именующее себя «Китайским народным военным правительством спасения нации».

В состав нового правительства вошли Ли Цзун-жень, Бай Цзун-си, Цай Тин-кай, Ли Ти-син, Чен Минь-сю и др.

Официозное агентство Сентраль Ньюс сообщает, что нанкинское правительство пред'явило гуансийцам следующие требования:

1. Генерал Бай Цзун-си должен принять пост губернатора провинции Чжецзян или уехать за границу, 2. Генерал Ли Цзун-жень может временно остаться в провинции Гуанси. 3. Гуансийские войска должны быть реорганизованы нанкинским правительством.

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В МАНЧЖУРИИ

ТОКИО, 19 августа. (ТАСС). По сообщению агентства Домей Цусин из Харбина, 15 августа близ Шаньхатуня (Биньцзянская провинция) в бою с отрядом партизан, состоящим из 70 бойцов во главе с Шуан Луном, японский отряд под командованием Умемура потерял одного унтер-офицера убитым.

По сообщению газеты «Харбин Нициници», в бою с партизанами на берегу реки Сунгари близ города Мулань 15 августа отряд манчжурской речной флотилии потерял убитыми 23 моряка.

ЯПОНСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ В ШАНЬДУНЕ

ШАНХАЙ, 20 августа. (ТАСС). Кантонская газета «Цзиньар Ханшаньбао» в корреспонденции из Циндао сообщает, что прибывший в Шаньдун делегат Чан Кай-ши — Цзян Бо-чень обсуждал с генералом Хань Фу-цюем (губернатор провинции Шаньдун) новые японские требования:

1. Превращение Циндао в «свободный порт» (то-есть фактическое предоставление его японскому империализму); 2. Признание Бейпина и Тяньцзина «районами особых интересов Японии».

Газета также сообщает, что нанкинское правительство начало переброску войск генерала Сун Лянь-чжуна в южную часть провинции Шаньдун.

Турнир в Ноттингэме

ДЕСЯТЫЙ ТУР

НОТТИНГЭМ, 21 августа. (Спец. корр. «Правды»). В центре внимания десятого тура была партия Эйве с Флором, игравшаяся ферзевым гамбитом. После вчерашней неудачной партии с Алехиным Эйве играл на этот раз осторожно и точно. На 19 ходу противники уже согласились на ничью.

Файн разгромил в голландской партии очень небрежно игравшего Боголюбова.

Тэйлор против Ржешевского в безнадежном положении к перерыву еще записал ход, но тотчас же сдал партию.

В остальных партиях к перерыву создалось следующее положение. Алехин имеет лишнюю пешку против Винтера, Ласкер также лишнюю пешку против Томаса, Александер значительно лучшую партию против Тартаковера.

Партия Видмар—Капабланка из-за болезни Видмара не игралась. Ботвинник был свободен.

После перерыва Алехин выиграл у Винтера, Ласкер у Томаса, Александер у Тартаковера.

Ржешевский сдал, не играя, свою отложенную партию с Капабланкой.

После 10 туров впереди: Эйве + 6½ и 1 отл. в худшем положении (из 9), Ботвинник и Файн + 6½ (из 9), Капабланка + 5½ (из 8), Ржешевский + 6 (из 10), Флор + 5½ (из 9).

* * *

Сегодня в 11-м туре играют: Капабланка — Эйве, Ботвинник — Томас, Тартаковер — Файн, Ласкер — Ржешевский, Алехин — Александер, Флор — Винтер, Тэйлор — Видмар. Свободен Боголюбов.

Иностранная хроника

❄ В Стокгольм прибыл английский министр торговли Ренсимен, совершающий в настоящее время поездку по скандинавским странам.

❄ Данцигский сенат распорядился об освобождении от жильцов с 1 ноября 1936 года зданий казарм, где прежде размещались находившиеся в Данциге германские войсковые части.

❄ В Эстонию прибыл начальник финляндских военно-воздушных сил полковник Лундквист.

❄ Правительство США намерено в 1936 году разместить заказы на постройку 12 новых эсминцев и 6 подводных лодок. В настоящее время строятся 79 военных кораблей.

❄ В Румынию прибыла японская промышленно-исследовательская группа во главе с Киносито. В состав группы входят представители японской химической, кожевенной и автомобильной промышленности.

❄ Недалеко от Брашова (Румыния) разбились два румынских военных самолета типа «Хаук».

❄ В французском городе Везье (провинция Эро) состоялась 15-тысячная демонстрация сельскохозяйственных рабочих. Демонстранты выдвинули ряд требований и заявили о своей солидарности с испанским народом.

❄ За 7 месяцев 1936 года французский импорт выразился в сумме 13.803 миллиона франков, экспорт — 8.273 млн франков.

❄ По официальным статистическим данным, число неграмотных в Китае в возрасте от 16 до 48 лет составляет более 200 млн. человек.

О ПРАВИЛЬНОМ НАЧЕРТАНИИ НАЗВАНИЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет:

Утвердить установленное Бюро Транскрипции Главного Управления государственной с'емки и картографии НКВД СССР правильное начертание следующих населенных пунктов:

	Транскрипция существующая	Транскрипция устанавливаемая
	Абхазская АССР	
1.	Сухум	Сухуми
2.	Ткварчелы	Ткварчели
3.	Очемчиры	Очемчири
	Аджарская АССР	
4.	Кобулеты	Кобулети
5.	Батум	Батуми
	Грузинская ССР	
6.	Мест	Местиа
7.	Чиатуры	Чиатура
8.	Кутаис	Кутаиси
9.	Самтреди	Самтредиа
10.	Боржом	Боржоми
11.	Абастуман	Абастумани
12.	Ахалцих	Ахалцихе
13.	Душет	Душети
14.	Мцхет	Мцхета
15.	Тифлис	Тбилиси (Тифлис)
16.	Шаумян	Шаумяни
17.	Люксембург-Грузинский	Люксембурги
	Армянская ССР	
18.	Эривань	Ереван (Эривань)
	Туркменская ССР	
19.	Кара-Бугаз	Кара-Богаз-Гол
20.	Нефтедаг	Небит-Даг (Нефтедаг)

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР **М. КАЛИНИН.**

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР **И. АКУЛОВ.**

Москва, Кремль.
17 августа 1936 г.

ЭКСПОРТ ЧУГУНА

ЗАПОРОЖЬЕ, 16 августа. (ТАСС). «Запорожсталь» в течение двух с половиной лет отправила на экспорт свыше 300 тыс. тонн высококачественного чугуна. За все время ни одной рекламации от заграничных фирм не поступало. План отгрузки экспортного чугуна перевыполняется из месяца в месяц. Уже в течение нескольких месяцев «Запорожсталь» планирует также для экспорта ферро-силиций. Совсем еще недавно ферро-силиций импортировался в СССР.

ВЫПУСК АВТОМАШИН ЗА 20 АВГУСТА

	План в штуках	Выпущено	% плана
Автомашин грузовых (ЗИС) — директор тов. Лихачев.	194	150	77,3
Автомашин грузовых (ГАЗ)—врид. директора тов. Дыбец.	352	360	102,3
Автомашин легковых «М-1» — (ГАЗ).	50	1	2,0

МЕТАЛЛ ЗА 19 АВГУСТА

(в тысячах тонн)

	План.	Выпуск.	% плана.
ЧУГУН	41,3	39,7	96,1
СТАЛЬ	46,2	44,5	96,3
ПРОКАТ	36,0	32,4	90,1

УГОЛЬ ЗА 19 АВГУСТА

(в тысячах тонн)

	План.	Добыто.	% плана.
ПО СОЮЗУ	366,7	320,1	87,3
ПО ДОНБАССУ	222,9	196,8	88,3

РАБОТА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

20 августа

ДОРОГИ.	Начальники дорог.	Процент выполнения плана погрузки.	Процент выполнения плана разгрузки.	Процент обеспечения вагонами.
Ленинская	Кучмин	108	102	103
Казанская	Базеев	105	117	98
Калининская	Торопченов	106	102	100
Кировская	Ладник	104	89	101
Омская	Фуфрянский	101	86	84
Томская	Ваньян	97	115	88
Красноярская	Мирский	168	109	104
Донецкая	Левченко	92	81	93
Западная	Русанов	108	101	128
Сталинская	Трестер	94	91	98
Восточносибир.	Крохмаль	126	93	128
Закавказская	Розенцвейг	106	103	123
Белорусская	Владимирский	77	87	101
Одесская	Суслов	83	79	99
Ю.-Восточная	Арнольдов	109	89	122
Ашхабадская	Еремеев	128	108	139
Юго-Западная	Зорин	101	96	114
Горьковская	Бадышев	99	95	117
Им. Кагановича	Шахгильдян	95	97	106
Им. Молотова	Друскис	212	192	155
Амурская	Рутенбург	174	144	142
Им. Дзержинск.	Амосов	114	105	135
Ряз.-Уральск.	Кавтарадзе	101	80	111
Им. Ворошилова	Дошно	90	78	97
Северокавказ.	Мосский	90	80	108
Сталинградск.	Гродно	95	84	99
Ярославская	Винокуров	101	103	129
Южно-Уральск.	Князев	112	102	106
Турксиб	Михайленко	163	99	139
Северная	Федан	97	97	104
Окружная	Фапеев	107	103	154
Ташкентская	Прокофьев	113	89	147
Оренбургская	Подшивалин	127	115	150
Дальневосточн.	Лемберг	118	94	151
Октябрьская	Синев	100	89	108
М.-Киевская	Жунов	96	85	121
Им. Куйбышева	Ковылкин	80	96	143
Южная	Шушков	106	85	131
Москва—Донб.	Емшанов	116	91	172
Погружено всего: 91.251 ваг.		101,4 проц.		
Разгружено » 86.835 »		95,4 »		

АДРЕС РЕДАКЦИИ и ИЗД-ВА: Москва, 40, Ленинградское шоссе, улица «Правды», д. 24. ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ РЕДАКЦИИ: Справочное бюро — Д 3-15-68; Партийный — Д 3-10-66; Сов. строит. и Кр. Армия — Д 3-10-84; Сельскохоз. — Д 3-10-85; Промышленность и транспорт — Д 3-11-04; Торгово-финансовый — Д 3-10-84; Иностранный — Д 3-11-09; Информация — Д 3-15-80; Письма рабоч. и колхоз. — Д 3-10-86; Обзоры печати — Д 3-30-72; Школа, наука и быт — Д 3-10-66; Искусство — Д 3-11-08; Местная сеть — Д 3-15-47; Фельетоны — Д 3-33-65; Критика и библиогр. — Д 3-11-07; Иллюстрационный — Д 3-33-85; Секретариат редакции — Д 3-15-64; Корреспондент. бюро — Д 3-15-69; Отдел об'явлений — Д 3-30-12. О недоставке газеты в срок сообщать по телефонам Д 3-30-61 или Д 3-33-44.

Уполномоченный Главлита № В—46353. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Изд. № 717.